

The background of the cover is a religious painting. At the top, the Virgin Mary stands on a small, glowing cloud, wearing a purple robe over a white garment, with her hands clasped in prayer. She is surrounded by golden rays of light. Below her, the sky is filled with large, billowing white and grey clouds. The lower half of the image shows a dark, turbulent sea with white-capped waves. In the distance, a small sailboat is visible on the horizon. To the right, a rocky island rises from the water. In the bottom right corner, two white birds are shown in flight. On the left side, a large, reddish-brown rock formation juts out from the edge of the frame.

*Владимир Виленович
Лиштванов*

Знак судьбы

Владимир Виленович Лиштванов

Знак судьбы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16855727

ISBN 9785447440817

Аннотация

Часто в молодые годы мы совершаем поступки, за которые расплачиваемся всю оставшуюся жизнь. Удастся ли Сане Климову, его близким и друзьям понять все знаки судьбы и избежать ненужных испытаний? Сможет ли дух умершего деда оградить от необдуманных поступков? Обо всём этом и многом другом любопытный читатель сможет узнать, прочитав эту книгу.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	20
Глава четвертая	32
Глава пятая	42
Глава шестая	48
Глава седьмая	65
Глава восьмая	76
Глава девятая	89
Глава десятая	100
Глава одиннадцатая	116
Глава двенадцатая	131
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Знак судьбы

**Владимир Виленович
Лиштванов**

© Владимир Виленович Лиштванов, 2018

ISBN 978-5-4474-4081-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Вечерние сумерки, плотным покрывалом, опустились на землю, в осеннем тихом городке, районного масштаба.

Резкий, пронизывающий до костей, ветер кружил пожухлую листву, зло, бросая в окна, на скамейки и тротуары улиц. Редкие запоздалые прохожие, кутаясь от ветра в плащи и куртки, спешили к манящему теплу и уюту квартир.

Во многих окнах давно погас свет и лишь в некоторых, светились разноцветные огоньки. От этого дома, становились, похожи на силуэты гигантских океанских кораблей, бороздящих безбрежные просторы планеты.

– Саня, пора спать!!!

– Сейчас, мам.

– Ну, Саня, сынок, уже все давно легли спать. Только ты один не спишь.

– Сейчас! Сейчас!

– Сколько раз тебе можно говорить? – начинала сердиться мать, – Живо в кровать!

– Ну, мам, ещё немного, ещё чуть – чуть!

– Я кому сказала? Завтра тебе рано вставать в школу. Быстро спать!!!

Саня с неохотой начал раздеваться. Что толку спорить с матерью, ведь всё равно настоит на своём.

– Ох уж эти взрослые, – сердито думал Саня, – всё у них по расписанию, всё правильно, как будто сами не были маленькими, как будто сами не хотели повозиться вечером с заветными вещами.

Правда, глаза уже начали закрываться и слипаться, хоть спички подставляй к векам, но это, как говаривал Карлсон из мультика: «...ерунда, дело житейское».

Пора спать. А ведь столько интересного не сделал! Не посмотрел, что стало с мухой, которую ещё утром посадил в банку и оторвал крылья. Не успел разобрать старый будильник, у него давно, конечно, не без помощи Сани, отвалились стрелки. Не успел украдкой докурить заныканный дедов бычок....

Да и мало ли дел, у взрослого, самостоятельного мужчины, которому исполнилось уже целых пятнадцать лет.

Но с матерью не поспоришь, надо идти спать и ничего тут не поделаешь:

– Ничего, – решил Саня, – всё это можно доделать и зав-

тра, вот только б ночью не приходил страшный, чёрный мужик. А то уж как-то боязно становиться, когда он подкрадывается тихо и не заметно к кровати, останавливается около и молчит. Причём, молчит, ни слова не говоря. Ладно, уж что-нибудь сказал бы, а то стоит стоймя и молчит себе, как покойник, а затем, тоже молча, куда – то исчезает.

Саня разделся, бросил вещи на стул, выключил свет и юркнул под теплое одеяло, окунувшись в прохладу постельного белья, свернулся калачиком, что б согреться. Вскоре он быстро согрелся и вытянулся во весь рост, слегка высунув голову из-под одеяла.

– А всё же жаль, что не докурил бычок, – подумал он, – ведь завтра утром в школу, а в школе курить нельзя. Вот теперь жди удачного случая, а когда будет – не известно.

Саня уже начал засыпать, как вдруг в комнате стал сгущаться сумрак и появился контур того же страшного, чёрного мужика, который иногда по ночам приходил из темноты.

Лица не было видно, но фигуру мужика Саня видел отчетливо. Мужик медленно подошёл к Саниной кровати и молча, ни слова не говоря, нагнулся над ним.

– А-а-а!!! – громко, навзрыд, закричал Саня.

– Что, что случилось сынок, – услышал он встревоженный голос матери.

Через минуту загорелся свет, а на пороге, в одной ночной рубашке на босу ногу, стояла мать.

– Мам, опять, опять он приходил, – взволнованным голосом рыдал Саня.

– Кто он? – встревожено спросила мать.

– Ну что, что ему от меня нужно? – не слыша матери, продолжал рыдать сын.

– Да кто же он, кто приходил?

– Тот чужой, чёрный мужик.

– Какой ещё мужик? – начинала злиться мать, не видя никого чужого.

Она сильно устала за день, очень хотелось спать, утром рано вставать на работу, а тут сын с причудами.

– Тот же, что и в прошлый раз... – пытался объяснить сын.

– Опять ты всё выдумываешь паршивец! – раздраженно перебила мать, совсем не хотелось слушать очередные бредни сына.

– Вот и не выдумываю. Он только что здесь был! Был! Я его видел! Видел!

– Ну, посмотри, ведь ни кого нет в комнате, кроме тебя, –

видя, что сын действительно перепуган, уже более спокойно проговорила мать.

– Да был же, он, был, – не унимался Саня, испуганно оглядывая комнату.

Но в комнате, действительно, кроме его с матерью никого не было. Саня не мог понять, в чём дело. Куда делся тот страшный мужик из темноты? Ему было страшно и обидно.

Страшно, что часто, по вечерам, внезапно приходил чёрный человек, а затем так же внезапно – исчезал и совсем неизвестно, куда исчезает, что хочет и появится ли снова, или нет. Обидно же было за то, что родная и единственная мать, не верит.

Видя, что сын действительно не на шутку напуган и расстроен, мать решила сменить гнев на милость. Чтобы как – то успокоить, села рядом, укрыла сына одеялом и положила руку на голову.

От этого присутствия матери, нежного и ласкового прикосновения, Сане стало спокойно и хорошо. Все тревоги и переживания мгновенно испарилась куда – то. Он быстро успокоился и заснул, иногда бормоча что – то во сне.

Глава вторая

В школу Саня не очень любил ходить. Ему не нравились монотонно проводимые уроки, не интересность, да скучная зубрёжка правил, совсем добивала.

Зачем учить какие-то правила, определения и другую муть, если всё это есть в книжках? Если приспичит узнать что – либо, то возьми книжку и прочитай.

Да ещё учителя ставят оценки не за знания, а за то, как ведёшь себя, или вообще неизвестно за что.

Вот недавно, на матеши Саня сидел, делал задание, но его окликнул, по – тихому, Димка – булдыжка. Он показал карикатуру. Саня быстро нарисовал ответную и повернулся показать.

Математичка, увидела это, подняла его и заставила стоять минут десять. Затем сказала:

– Дай тетрадь, я посмотрю, что сделал на уроке.

Она взяла Санину тетрадь и даже, не взглянув на содержимое, со словами:

– Здесь всё не правильно.

Всё перечеркнула в тетради, хотя перед этим все проверяли, у Сани было правильно, а затем поставила двойку и в тетрадь, и в журнал, и в дневник.

Или вот вчера, на истории Саня перебросился парой слов с приятелем – Серым, срочно нужно было обсудить планы похода в кино после уроков, так историчка говорит:

– Климов пересядь на другую парту.

– Не пересяду, – угрюмо ответил Саня.

– Пересаживайся живо, а то два поставлю.

– Ставьте, – сказал Саня, но так и остался на месте.

Учительница поставила двойку в журнал, хотя спрашивается: за что? Оценку ведь она не за знания ставила, а за поведение!

Про литру же и вспоминать противно. Вон, позавчера, вызубрил Саня тот стих, что задавали, от корки до корки, вчера же на уроке, вызвался к доске, да рассказал всё наизусть, без одной запиночки, а училка литры вместо того, что бы поставить петифан, или на худой конец четыре, говорит:

– Ты, Климов выучил сегодня стихотворение хорошо, но за плохое отношение к предмету, я ставлю только тройку.

И поставила в журнал трюндик, а ведь спрашивается: «за что?».

В общем, надоели Сани эти учителя, хуже горькой редьки. Куда лучше сбегать с ребятами в кино, или на речку, или, на худой конец, погулять в парке. Вот и сейчас, шёл Саня в школу с большой не охотой.

– Привет, Клим, – услышал Саня, Серёгин голос и повернулся на зов.

Перед ним стоял действительно Ломов Сергей, с сумкой с учебниками за плечом, собственной персоной.

Вязаная шапка уже была сдвинута на затылок, на куртке, одной пуговицы не хватало, а другая, держалась лишь на честном слове, да и то, скоро должна оторваться.

– Привет, Серый, ты матешу сделал?

– Сделал.

– Дай содрать.

– Ладно, щас придём в школу, и спишешь; а ты стих выучил?

– Не – е – а.

– И я тоже. Вот попадёт, если вызовут. Училка по литературе сразу вкатает. А отец убьёт! Знаешь, как он порол в прошлый раз? У-у-у-у, до сих пор вся задница болит.

– Ну, так соври училке что –нибудь такое, что были гости и не мог выучить, или ещё что что-то случилось. Придумай что –нибудь жалостное. Может, поверит и не поставит пары.

– Не, я уже пытался, но не помогало, она насквозь видит, когда я вру.

– Тогда совсем не ходи в школу, всё равно попадёт. А так может, и не узнают, что не был в школе, может, пронесёт.

– И то верно, но куда я пойду, было б лето, на речку убежал, а сейчас осень на дворе, уже холодно; да и одному неинтересно.

– Так давай, составлю компанию, всё равно в школе одна скукотаща.

– Давай.

И оба парня, не раздумывая, свернули с дороги в школу.

– Слышь, Клим, а куда мы пойдём?

– Не знаю. Может, в кино ходим, там говорят классный фильм идёт.

– А что, пошли, вот только бы никто не увидел.

– Не дрейфь, проскочим.

В кино их, как будто никто из знакомых, не видел и ребята

с упоением стали смотреть происходящее на экране.

Полтора часа пролетели быстро, и вот уже два приятеля идут по улице, обсуждая увиденное:

– Серый, а клёво тот дал ему...

– А этот тому, у-у-у, класс...

– А тачка, тачка у этого какая, во прикольно.

– Да, на такой бы покататься было б не хило. Мне дед обещал научить ездить, но говорит, что пока мне рано ещё.

– Да, жаль. Но может он брешет?

– Да ты чё, он у меня классный мужик, всё что обещает, всегда выполняет.

– Да, это здорово.

– А с вождением, говорит, что будущим летом научит.

– Клим, а теперь куда пойдём? Ещё ведь рано возвращаться домой.

– Айда в парк, там есть укромные места, где можно будет остаться не замеченным.

В парке было безлюдно и тихо.

Полуденное осеннее солнце робко пробивалось сквозь полуголые ветки деревьев, радуя округу скудным теплом.

Разноцветные опавшие листья приглушенно шуршали под ногами, обнаженные деревья сурово и торжественно стояли по сторонам, как солдаты в карауле, отдавая дань уважения молодой поросли рода человеческого.

Природа готовилась к зимнему сну.

Ребята свернули в боковую аллею.

Вдруг, Саня рванулся вперёд по дорожке и поднял что – то.

Серёга подошёл ближе и увидел, что тот держит в руках кем-то оброненный кошелёк, открыв его, нашли несколько небрежно смятых купюр.

– Ну, ты Клим даёшь, молодец у тебя прямо нюх какой – то на деньги. Может, купим пачку сигарет и покурим?

– Давай, – ответил Саня, выбрасывая кошелёк и зажав деньги в кулаке, – но нам могут не продать сигареты, мы ещё маленькие.

– А вон идёт знакомый пацан из десятого класса, он уже большой, ему должны продать.

Сергей окликнул парня:

– Игорь, Порядочный, иди сюда, дело есть.

– Что случилось, – удивлённо спросил Игорь, подходя ближе.

– Игорь, – заискивающим голосом начал Сергей, – ты не мог бы нам помочь?

– Что надо?

– Купить пачку сигарет, а то нам её не продают?

– Ещё чего! Делать мне больше нечего, что ли?

– Ну, пожалуйста, – начал канючить Сергей, – войди в наше положение.

– Ишь, чего захотели.

– С нас будет причитаться.

– Ну, ладно уж, но что я буду с этого иметь? – слегка заинтересованно спросил Игорь.

– Половина пачки – твоя.

– Хорошо, давайте деньги.

Саня отдал Игорю часть денег на пачку сигарет и спички, а остальные спрятал в карман. Игорь взял деньги и отправился в ближайший магазин, а ребята остались его ждать.

Прошло немного времени, к ним вернулся Игорь. Он отдал полпачки сигарет и спички Сане, затем, помедлив, сказал:

– Что, пацаны, закурим?

– Давай, – в один голос согласились ребята.

Саня дал ребятам по сигарете и взял себе одну, после чего, зажег спичку и, прикурил, затягиваясь.

Ощущение горечи во рту Сани не очень нравилось, но так хотелось выглядеть взрослым, и так хотелось подражать старшим ребятам, что он стерпел. Он заставил себя побороть желание выбросить эту дрянь.

Усилием воли сделал вид, что курение доставляет ему огромное наслаждение и с деланным удовольствием, начал медленно выпускать дым изо рта.

Ребята тоже закурили, стараясь показать друг другу, что это приносит им наивысшее наслаждение и огромное удовольствие.

– Так, что, – продолжил разговор Игорь, – значит, симулируем с занятий?

– Да нет, мы тут шли мимо..., – начал, было, Саня.

– Хорошо, врать, я этого не люблю, – грозно прервал Игорь, – раз уж сбежали с занятий, так и скажите, а то начинаете мне лапшу на уши вешать.

– Да, – сознался Саня, – не выучили уроки и решили не пойти на занятия.

– Мне как – то всё это глубоко фиолетово, стучать я на вас не собираюсь. Но помните, что долг платежом красен; сегодня я вам помог, а завтра вы мне.

– Будь спок, – вмешался Серёга, – за нами не заржавеет.

– Ну и лады, – добродушно сказал Игорь, – ладно, мелюзга, мне пора.

С этими словами Игорь повернулся к выходу из парка и пошел своей дорогой.

А Серёга с Саней ещё долго сидели в парке, наслаждаясь свободой, любуясь прощальными красками увядающей природы.

– А я от Ходукиной письмо получил, – вдруг сказал Саня, чтоб как-то нарушить затянувшееся молчание.

– Да ты чё? – удивился Серёга.

– Провалиться мне на этом месте, если я вру.

– Не может быть.

– Не веришь, – обиженно проговорил Саня и достал из кармана лист бумаги, – на, смотри.

Серёга взял лист бумаги и развернул его. На листе, красивым, аккуратным девичьим почерком было написано письмо, адресованное Сане.

– Здравствуй Саша, – стал читать вслух Серёга.

– Читай только не вслух.

Серёга стал читать письмо про себя, иногда комментируя его:

– Что ж она Русский язык не знает, вон пишет с ошибками.

– Так это же Ходукина! Что ты от неё хочешь?

– Всё равно, могла написать грамотней.

– Ты лучше прочти здесь, со смехом проговорил Саня и начал читать вслух, – «... хоть я дала тебе себя поцеловать, но мне хочется иметь с тобой серьёзные отношения. Я хочу, что бы мы оставались друзьями...»

– Ну и Ходукина! Недаром она у нас в классе не от мира сего, – весело проговорил Серёга.

– Ты давай читай, читай дальше, – прервал его Саня.

После того, как Серый закончил чтение, спросил:

– Что же ты ответил ей?

– Я ещё не отвечал.

– А будешь?

– Даже не знаю.

– А если она тебе ещё одно письмо пришлёт?

– Там посмотрим, – уклончиво ответил Саня и сменил тему разговора.

Глава третья

– Пригласите, пожалуйста, к телефону Климову Наталью Петрову.

– Я слушаю вас.

– Здравствуйте, Наталья Петровна, с вами говорит учительница вашего сына. Саша сегодня не был на занятиях, он что, заболел?

– Да нет. Утром он пошел в школу.

– Но до школы он явно не дошёл.

– Странно. Где он может быть?

– Не знаю. Вы уж выясните причину его отсутствия.

– Спасибо, что позвонили, я обязательно выясню причину.

Положив телефонную трубку, Наталья Петровна устало задумалась: что-то неладное творится с сыном.

То по ночам, ему мерещатся какие – то мужики, и Санька поднимает её с постели, своим криком, посреди ночи. Когда она к нему подходит и включает свет, то в комнате, разумеется, никого не находит.

То вот, явно сбежал с уроков и неизвестно где и с кем шатается. Вместо того, что бы сидеть на занятиях и изучать предметы.

Ведь так и до беды не далеко. Связется с какой –нибудь шпаной и пойдёт по наклонной плоскости, да ещё в тюрьму угодит. А кто там хоть раз побывал, то непременно угодит туда снова.

Да, трудно растить сына без отца! Но какой же это был отец, если трезвым сына видел только несколько раз в году, когда возвращался после длительного лечения от алкоголизма.

Всё время эти пьянки, пьяные друзья, какие – то драки и вечные выяснения отношений.

До сих пор, а после развода уже прошло почти десять лет, Наталья Петровна с содроганием вспоминает, как однажды вечером, с мужем лежала в постели.

Она ждала и готова была получать любовные ласки, но их всё не было и не было.

В место этого муж что – то бормотал под нос, судорожно двигая руками.

Вдруг, начал ловить на стене, каких – то пауков и с дикими криками и грубой бранью отбрасывать под кровать.

Наталья Петровна пыталась остановить, успокоить, говоря, что там никого и ничего нет, но муж не слушал, отталкивал, ловя воображаемых пауков.

Она и уговаривала мужа бросить пить, и била его, и отправляла на принудительное лечение, но всё было бесполезно. Он никак не мог устоять от соблазна, заложить за воротник, а куча таких же друзей как он сам, поощряли к очередным попойкам.

Да и развелась она с ним, лишь из боязни, что когда-нибудь не выдержит и убьёт, оставив сына сиротой.

Так лучше уж пусть растёт сын без отца, чем с таким отцом.

К сожалению, Наталье Петровне так и не удалось выйти второй раз замуж.

Нельзя сказать, что она не пользовалась вниманием у мужчин, но всё время попадались женатые, и дальше роли любовницы, дело не шло.

Ломать же чужую семью и отбивать мужика у другой, Наталья Петровна не хотела. Ведь на чужом горе, своего счастья не построишь.

Да и зачем такой мужик. Если он ушёл от одной, то может уйти и от тебя, а молодых и более симпатичных баб много. Каково будет сыну, если ребёнок привыкнет к новому отцу, а потом нужно будет отвыкать. Нет уж, раз судьба распорядилась,

дилась, таким образом, то пусть идёт всё своим чередом.

Хорошо ещё, что отец пока жив и им помогает, как может. Старик без ума от внука, да и Санька с ним дружит.

Вот только стал Старик в последнее время много болеть, да и возраст уже за семьдесят, к восьмидесяти приближается.

Наталья Петровна тяжело вздохнула и посмотрела на часы. До конца рабочего дня ещё целых два часа, а у неё уже нет сил что – либо делать. Да и что можно делать, когда сын где-то пропадает, а что творится в его душе, она не знает.

Она подошла к окну и стала тупо смотреть невидящими глазами вдаль, не было больше сил бороться с навалившимися на её плечи проблемами и заботами.

На работе тоже куча неприятностей. Вот уже три месяца нерегулярно платили зарплату, а сегодня начальник сообщил, что скоро будет большое сокращение штата. Он прямо намекнул, что она стоит первой в этом списке на сокращение.

Явно он мстил за все их стычки по работе, за то, что она всегда говорила правду.

Наталье Петровне вспомнилось, как в прошлом году они

всем коллективом встречали Новый год.

Было как обычно шумно, но не очень весело, и вот когда все изрядно подвыпили и никому, ни до кого не было никакого дела, её на медленный танец, ни с того, ни сего, пригласил их начальник.

Они медленно кружились в танце, начальник стал отпускать какие-то сомнительные комплименты, всё сильнее прижимая к себе, а затем, его правая рука соскользнула с поясицы ниже и сильно сдавила ягодицу:

– Наталья Петровна, – пьяно прошептал он на ухо, – а не сходить ли нам сейчас ко мне в кабинет?

– Зачем? – удивлённо спросила она, хотя уже поняла, в чем тут дело и заранее знала ответ.

– Там у меня есть прекрасное вино, мы поближе познакомимся, поговорим, друг с другом, выясним все наши разногласия, найдем точки соприкосновения, – ответил он, сильно прижимая к себе.

– Нет, Семён Аркадьевич, не надо этого. У вас же жена, дети, зачем вам это нужно?

– Жена не стенка, подвинется, а дети не узнают, про наши маленькие шалости.

– Нет, нет, я не могу так сразу.

– Ну что вы, Наталья Петровна, мы же с вами взрослые люди, почему нам не доставить друг друга несколько прият-

ных минут, от взаимного наслаждения друг другом?

– Что вы имеете в виду?

– Что имею, то и введу, – пошло пошутил начальник и стал пьяно улыбаться.

– Семён Аркадьевич, я вас сильно уважаю, но с вами сейчас я никуда не пойду.

– А зря, мы б прекрасно провели оставшееся время этого новогоднего вечера, и как знать, может вам ещё понравится быть со мной наедине. Ещё ни одна из женщин не жаловалась после близости со мной, все были довольны.

– Нет, нет, не сегодня.

– Наталья Петровна, Я вас очень прошу разделить моё общество.

– Как –нибудь в другой раз Семён Аркадьевич.

Он её ещё долго уговаривал побыть с ним наедине, но Наталье Петровне совсем не хотелось идти куда – то в кабинет.

Там же, как она небеспочвенно предполагала, начальник начнёт приставать, и она будет вынуждена отдаться, что явно не входило в планы на сегодняшний вечер.

Во всей этой интрижке не устраивало ни сколько перспектива стать очередным минутным увлечением любвеобильного патрона, а сколь печально виделись последствия такого служебного романа.

С обязательными пересудами сослуживцев, косыми взгля-

дами злопыхателей и истеричными выпадами отвергнутой предыдущей любовницы.

Да и перспектива занятия сексом на служебных, хотя и мягких стульях, кабинета начальника, как говорится, «в антисанитарных условиях», Наталью Петровну совсем не прельщала.

Она уже не юная девочка, что бы заниматься любовью, где придётся, и с кем попало, нужны хотя бы минимальные удобства и соответствующие условия для занятий этим делом.

Такие сложные перипетии женских мыслей и чувств, были чужды начальнику. Вскоре его обширный поток слов и уговоров иссяк. Буйной фантазии, ограниченной изрядной порцией выпитого алкоголя, не хватило, что бы понять переживания партнёрши. Он не понимал причину отказа и это сильно бесило.

– Ну как знаете, смотрите, что бы потом не пожалели об этом, – сказал зло начальник и отпустил её.

Теперь же он явно выполняет свои угрозы, но слово не воробей, вылетело – не поймаешь.

Что сделано, то сделано и назад дороги нет.

– Наташ, ты чего, домой не идёшь? – вывел её из оцепе-

нения голос подруги.

– Иду, иду, – машинально сказала Наталья Петровна, с великим трудом отрываясь от не очень весёлых дум.

Она взглянула на часы. Уже почти два часа она стоит у окна, но время как будто остановило свой бег.

Она поспешно собрала вещи, надела плащ и быстро вышла на улицу.

Осенний погожий день клонился к концу, солнце ласкало своими, уже не жгучими лучами природу и людей.

Но Наталье Петровне было некогда нежиться под солнцем и обращать внимание на прекрасные краски уходящего осеннего дня. Её гнала домой тревога за сына, и чем ближе приближалась к дому, тем сильнее тревога сжимала сердце, тем быстрее ускоряла шаг, в конце концов, перейдя почти на бег.

Перед домом, Наталья Петровна увидела соседскую девочку, Чеснокову Инну, ровесницу Сани, но из параллельного класса, играющую в классики:

– Инн, ты Саньку не видела?

– Недавно пришёл домой из школы, тётъ Наташ, – ответила девочка, продолжая игру.

– Ну, я ему сейчас задам, – в сердцах решила Наталья Петровна, резко открыв дверь подъезда дома и быстро зашагав

к квартире.

Войдя в квартиру и толком не сняв с себя плащ и обувь, Наталья Петровна с криком набросилась на перепуганного сына:

– Ты где шлся, паршивец?!

– В школе, – упавшим голосом и потупив глаза, пробормотал Саня, чувствуя, что грозы и взбучки, не избежать.

По спине пробежали мурашки, а душа от страха ушла в пятки, горло пересохло и стало совсем скверно от предчувствия материнской бури.

Мать кричала редко, но когда разозлиться, то тут уж не остановишь.

Под горячую руку могла и огреть первым, что подвернётся.

Правда быстро отходила, но эти несколько минут бурного всплеска отрицательных эмоций, Саня помнил длительное время.

– В какой школе? – ещё пуще распаляла себя мать, – Ах ты тварь!!! Мне учительница на работу звонила и сказала, что тебя нет в школе.

– Мам, понимаешь, тут такое дело ..., – начал было ле-

петать что – то Санька, пытаюсь с ходу придумать правдоподобную историю отсутствия в школе.

Но мать, не дослушав, резко оборвала несвязное бормотание:

– Что ты мямлишь, ну что ты мямлишь, я у тебя спрашиваю русским языком, где ты шлся? Почему не был в школе? Где тебя носило весь день? Мать работает не покладая рук, всё старается для сына, а сын растёт шалопаем, шпаной и неучем! Не хочешь учиться! Так и скажи! Тогда иди, работай, помогай матери!

Мать ещё долго ругала сына, выплёскивая на его голову град упрёков и оскорблений.

В голосе звучала вся боль и обида женского одиночества, боязнь за завтрашний день, не высказанные горести и переживания.

Через некоторое время, устав от собственной тирады, в изнеможении присела на стул и разрыдалась от безысходности, сознавая бессилие что-либо изменить и сделать.

Саня, оглушенный и опустошенный бурей материнских чувств, выплеснутых на голову, стоял перед матерью и не знал, как поступить.

Уж лучше б она ударила, или высекла, это бы легче пере-

нес; но такой град несправедливых обвинений был намного больнее и обиднее.

Когда же она разрыдалась, полностью растерялся, ему совсем скверно стало на душе.

Саня не мог переносить материнских слёз, он подошёл к ней и тихо, неуверенно, стал успокаивать:

– Мам, ну не надо, я больше не буду так делать. Честное, пречестное слово.

– Уйди, – отрезала мать, – ты меня очень обидел. Я не думала, что у меня растёт такой плохой сын.

Санька, расстроенный, сильно огорчённый таким непониманием, ушёл в комнату, лёг на кровать и тоже заплакал. Он ни как не мог понять: почему она не выслушала, почему не дала даже слово вставить, чем вызвана такая сильная вспышка гнева.

Да, он не был один день в школе, но ведь ни чего же плохого не произошло.

Вон, Димка – булдыжка, по несколько дней в школе не бывает, симуляет, и ни чего, никто его не ругает, никто его не бранит. Всё ему сходит с рук, а тут, один день сачканул, и на тебе...

– Вот уж правда, если не повезёт, то не повезёт, – успел подумать Саня, погружаясь в успокоительный сон.

Глава четвертая

Прошло несколько месяцев, жизнь Сани с матерью постепенно возвращалась в привычное, размеренное русло.

Они давно помирились, особенно после того вкусного торта, который он получил на шестнадцатилетие, но неприятный осадок от ссоры, в Саниной душе оставил неизгладимый след.

Мать тоже ходила сама не своя, как в воду опущенная. Что-то плохое происходило, но Саньке ничего не говорила.

Да если бы и сказала, то, вряд ли б он мог помочь. Ей самой нужно было справляться с навалившимися проблемами.

А неделю назад, пришла раньше обычного и сказала, что уволили по сокращению штата и теперь она безработная.

Вот уже неделю она лежит на кровати с зарёванными глазами и молчит.

Саня не знал, как помочь, но глубоко в душе переживал это горе. Не понимая всего ужаса положения, но, интуитивно чувствуя беду, сын старался помочь матери, чем только мог, выполняя все просьбы и желания беспрекословно.

Постепенно, Наталья Петровна оправилась от навалившихся на хрупкие плечи горя и невзгод. Куда деваться,

жизнь продолжалась.

Надо было ставить сына на ноги, да и подумать о своей судьбе, и хотя отец помогал им материально, но долго сидеть на его шее не хотела, и не могла.

Наталья Петровна стала обходить всех своих знакомых в поисках работы, давала объявления в газетах, ходила по отделам кадров многих организаций, но всё тщетно, ни что не помогло.

Её сочувственно выслушивали, участливо кивали головами, но никакой работы предложить не могли, а если что и предлагали, то это было не для неё.

Так прошёл ещё месяц. Возвращаясь после очередной неудачной попытки найти работу, Наталья Петровна шла, не спеша по улице, в глубокой задумчивости, низко опустив голову, сосредоточенно глядя себе под ноги. Было скользко и холодно, как на улице, так и в душе. Она, старалась не упасть, с трудом сохраняла равновесие.

Зимний ветер пронизывал холодным дыханием с головы до ног, швыряя комья снега в лицо, но она не обращала на это ни какого внимания. Ей было одиноко и грустно от своего неопределенного положения, от всех этих невзгод, так неожиданно свалившихся. Печальные мысли роились

в голове, будоража и терзая уставшую душу.

Всю жизнь она добросовестно работала, неукоснительно выполняя служебные обязанности, старалась изо всех сил быстро, грамотно и хорошо сделать всё, что поручали. Её хвалили, неоднократно награждали грамотами и ценными подарками за добросовестный труд.

В Советские времена она б так доработала до старости, получив кучу благодарностей за ударный труд и медаль «Ветеран труда» перед уходом на пенсию, но сейчас времена изменились, Советский Союз развалился, приказав долго жить.

В стране начались демократические преобразования, появилось много того, чего не было в своё время.

Начался бурный процесс приватизации ранее всеобщего народного имущества с последующим первоначальным накоплением капитала и бандитскими разборками.

Всё это настораживало и пугало, она пока ни как не могла найти место в этом изменившемся мире.

Взращенная на совсем иных понятиях и ценностях, идущие перемены в обществе были чужды и дики, но надо было продолжать жить, растить сына и стараться приспособиться к изменившейся окружающей действительности.

– Привет, Наталья, ты ли это? – вдруг услышала приятный мужской голос.

Наталья Петровна подняла голову, очнувшись от своих грустных мыслей. Перед ней стоял улыбающийся мужчина, средних лет, одетый по последней моде.

Внимательно посмотрев ему в лицо, Наталья Петровна, всплеснула руками и удивленно вскрикнула:

– Ой, Васильев, какими судьбами?

– Да вот иду, смотрю, симпатичная женщина идёт мне навстречу. Подхожу ближе, ба – а – а, всюду знакомые лица. Я тебя сразу узнал, ты ни сколько не изменилась за это время.

– Врешь, Васильев, но приятно, спасибо.

– Нет, правда, правда. Ты стала еще обворожительней, чем была. Как твои дела? Как семья, дети?

– Это долго рассказывать, а я что-то немного замерзла, на этом ветру.

– Так давай, зайдём вон в то кафе, выпьем чашечку кофе, ты немного согреешься, если конечно у тебя есть время, если не спешишь, и не против этого.

– Время у меня есть, – нерешительно сказала Наталья Петровна.

Ей не очень хотелось сейчас изливать кому-нибудь свою

душу, но встреча с бывшим одноклассником пробудила в ней много приятных воспоминаний и она решилась:

– Ладно, пойдём, но только на минуточку.

Они вошли в кафе, сняли верхнюю одежду. В зале было малоллюдно, тепло и уютно. Сев за свободный столик, заказали кофе.

– Ну, рассказывай о себе, – сказала Наталья Петровна, решив взять инициативу в свои руки, – после школы я тебя ни разу и не видела.

– Да что рассказывать, про меня, – немного смущенно проговорил Василиев.

Он был не многословным и не любил рассказывать, но к Наталье испытывал симпатию ещё со школьной скамьи и был искренне рад случайной встречи.

– После школы я никуда не поступал и осенним призывом ушёл в армию. Служил под Москвой, а после службы остался в Москве, закончил техникум и стал работать на одном из заводов. Но в конце «перестройки» завод прекратил получать заказы, перестали платить зарплату, и я уволился. Некоторое время «челночил»....

– Это как? – перебила его Наталья Павловна.

– Ты помнишь Славку Хоменко из «А» класса, как он однажды перепродал ребятам купленный им где-то альбом пластинок?

– Ну, как же, конечно, ещё было проведено комсомольское собрание; говорили, что это позорит честь комсомольца, называли его спекулянтом. Много было тогда шума и крику....

– Так вот, раньше были спекулянты, а теперь перекупщики – челноки. Люди ездят за товаром, покупают его по одной цене, а продают по другой, конечно, чуть выше, чтобы окупить свои расходы, да чтобы на жизнь между поездками оставалось.

– Ты тоже так делал?

– Не совсем так. Я возил в Польшу отходы от резинового производства, там они эти отходы в асфальт, для лучшей износостойкости добавляли. Так вот, наценку делал всего на один рубль, но возил туда отходы КАМАЗами, примерно по одному КАМАЗу в неделю, и мне хватало.

– А сейчас продолжаешь?

– Нет, перестал.

– Почему?

– Обстоятельства так повернули дело, что пришлось прекратить этим заниматься. К тому времени поднакопил денег, вернулся в наш город и открыл дело, на паях с другом. Сейчас у нас свой киоск и думаем открыть ещё один.

– Молодец, а как жена, дети?

– С женой мы расстались, а детей я не забываю. Регулярно навещаю, даю деньги, делаю подарки. Вот и сейчас иду от детей, ходил, навещал их.

– Молодец, правильно делаешь, что не забываешь детей. Дети ни при чём, они не виноваты, что вы расстались с женой.

– Но мы всё про меня, да про меня, а как ты сама? Я ведь тоже ни чего про тебя не слышал с тех пор, как мы закончили школу.

Наталье Петровне не очень хотелось распространяться о себе, но теплая, уютная обстановка, да ещё горячий кофе изменили намерения, и она сказала:

– У меня ничего особенного. Окончила училище, была за мужем, но брак был не удачным, мы расстались с мужем. Сейчас одна воспитываю сына, ему уже шестнадцать лет.

– А где работаешь, кем?

– Сейчас безработная, меня недавно уволили по сокращению штата.

– Жаль, слушай, у меня есть один друг, он работает руководителем какой – то организации, я у него узнаю, может, чем поможет.

– Может неудобно к нему обращаться?

– Удобно, удобно. У тебя есть телефон?

– Есть.

– Дай – ка я запишу, а дня через два я перезвоню.

Наталья Петровна назвала свой номер телефона, и на всякий случай, записала номер его. Потом они начали вспоминать одноклассников, где кто живет и кем работает. Время пролетело не заметно.

– Ой, уже поздно, – первой опомнилась Наталья Петровна, посмотрев на часы, – Санька уже давно меня ждёт.

– А кто такой Санька?

– Сын мой. Ну ладно, Вить, – впервые за весь вечер она назвала Васильева по имени, – мне пора идти.

– Давай, я тебя провожу.

– Нет, спасибо, мне тут не далеко.

Наталья Петровна встала из – за стола, взяла вещи, оделась и вышла из кафе.

На улице уже было темно, снег прекратил идти, но ветер не утихал. Она быстро перешла дорогу и тем же торопливым шагом пошла домой.

– Мам, ты, где была? – взволнованным голосом спросил Санька, когда она только успела переступить через порог квартиры.

– Встретила бывшего одноклассника, вот и проболтала с ним.

– Могла б и раньше прийти, – недовольно пробурчал сын.

– Ну что делать, так получилось, – извиняющимся тоном проговорила мать.

– Так получилось, так получилось, – продолжал недовольно бурчать сын, – тут за неё волнуются, переживают, беспокоятся, а у неё так получилось.

– Ладно, не ворчи, – примирительно сказала мать, – давай, садись ужинать и тебе пора спать.

Они поели, убрали со стола, помыли посуду и отправились спать. Санька лег в кровать и быстро заснул, а Наталья Петровна ещё долго не могла заснуть в кровати, вспоминая сегодняшнюю, случайную встречу.

Виктор Васильев сильно изменился: из худого, лопоухого, прыщавого подростка, он превратился в солидного, уверенного в себе, даже можно сказать красивого мужчину, который явно нравится женщинам.

Лёгкая седина волос говорила о том, что много невзгод успел испытать Виктор на своём пути, но явно не сломался, а наоборот стал преуспевающим бизнесменом.

Наталье Петровне было приятно его внимание, но это её меньше всего интересовало и заботило. Ей важнее была помощь в трудоустройстве, на эту помощь она сильно рассчитывала, но боялась, что ничего хорошего не получится.

Она ещё повспоминала приятные эпизоды из их встречи,

но усталость постепенно взяла верх над мыслями, и чувствами, и её сморил тревожный сон, в котором снился Санька.

Вот он в каком – то полуразрушенном, средневековом замке, поднимается по винтовой лестнице.

Лестница узкая, без перил, с выщербленными ступеньками.

Один край ступенек соединён с каменной стеной башни замка, а другой – опасно свисает над черной бездной пропасти.

Санька упорно лезет вверх, цепляясь руками за неровности ступенек, стараясь не сорваться в бездну.

Вдруг, одна из ступенек обламывается и крошится под руками.

Он начинает падать, но успевает уцепиться за другую, более прочную ступеньку. Ступеньки крошатся, ломаются под тяжестью. Санька несколько раз срывается с них, но продолжает настойчиво лезть вверх.

Но вот, картина сна изменилась и она уже видит Саньку, в каком – то подвале, где Санька расхаживает по каким – то комнатам, лабиринтам, но не может выйти наверх, но вот начал появляться туман, который всё скрыл, от взора и она провалилась в полное забытьё.

Глава пятая

Мартовским воскресным утром Санька вышел на улицу. Был лёгкий морозец, но не было холодно.

Санька даже прищурился от слепящего солнца: все вокруг было бело, от выпавшего за ночь свежего, мягкого, пушистого снега.

Снег под солнцем сверкал и переливался всеми цветами радуги, словно какой волшебник разбросал мелкие алмазы из сокровищницы восточного монарха.

Даже не скажешь, что на календаре уже первый месяц весны.

Санька огляделся по сторонам, ища друзей, но никого ещё не было.

Он решил пройти по улице, но только сделал несколько шагов, как заметил Серёгу – одноклассника:

- Привет, Серый, ты куда? – окликнул его Санька.
- Привет, Клим, – ответил Серёга, – просто вышел на улицу погулять. А ты чем занимаешься?
- Да ничем. Вот, тоже, вышел погулять.
- Пойдём, прошвырнёмся до универмага.
- Пойдём.

Не успели они дойти до универмага, как их окликнули:

– Эй, мелюзга, куда чешите?

Невдалеке стоял Игорь, который прошлой осенью им покупал сигареты:

– Чего молчите, оглохли что ли?

– Да мы так, просто, решили прогуляться, – ответил за двоих Саня.

– Деньги есть? – спросил Игорь.

– Нет, – снова за всех ответил Саня.

– Так достаньте, мне срочно нужен червонец, – требовательно ответил Игорь.

– Ишь, чего захотел, – удивился Саня, – нам и самим не мешало б иметь денег.

– Так вот вы как, – уже более мирно начал Игорь, – когда вам нужны были сигареты, то я вам сразу пошёл на встречу, а как мне теперь понадобилась ваша помощь, то вы сразу в кусты, сдрейфили.

– Нет, почему, – возмутился Саня, – мы не сдрейфили, но у нас, правда, нет денег, и нам их негде взять.

– Ничего проще. Вон, в универмаг пошли мелкие, со второго класса, явно они при деньгах, пойдите и попросите.

– А если не дадут?

– Так отберите. Что вас, всему учить надо?

Саня с Серёгой зашли в универмаг. В магазине было много народу.

Оглядевшись по сторонам, он увидел несколько ребят из второго класса, теснившихся у прилавка. Они что – то обсуждали, шушукаясь и хихикая, сосредоточенно рассматривая витрину.

Саня подошел вплотную и, обратившись к одному из ребят, сказал:

– Слышь, пацан, дай два рубля.

– У меня нет, – соврал паренёк.

– Да ладно, не жмотничай, – угрожающе проговорил Саня, – дай два рубля!

– Говорят же тебе, что нет денег, – насупившись, испугано проговорил паренёк.

– А ну, попрыгай, – предложил ему Саня.

Парень стал прыгать, а деньги предательски начали звенеть и бряцать в кармане.

– Ах, ты гад, ещё и брешешь, – возмутился Саня и ударил парня в грудь, – а ну, выворачивай карманы по-хорошему, а то сейчас будет по-плохому.

Парень нехотя начал выворачивать карманы, отдавая

Саньке всё содержимое.

Вдруг, Саньку кто – то схватил за шиворот:

– Ты что, поганец, посреди бела дня, разбоем занимаешься, – раздался над головой незнакомый мужской голос.

Какой – то мужчина, схватил Саньку за воротник и крепко держал его:

– А ну, верни сейчас же всё награбленное.

Санька очень испугался, ещё ни кто так не обращался, он сразу всё отдал, что взял, незнакомому пареньку, но мужчина не отпускал его.

– Сейчас же идём в отделение милиции, – сказал он Сане и незнакомому пареньку.

Затем мужчина взял их обоих под руки и повёл в ближайший отдел милиции.

По дороге в отделение, мужчина продолжал возмущаться:

– Нашел на кого наезжать, на маленького и слабого. В детстве на меня тоже наезжали, так я до сих пор не могу равно-

душно проходить мимо этого безобразия....

В милиции Саню с парнем развели по разным комнатам. Саню втокнули в маленькую комнату, без мебели.

Посреди которой стоял стол, а за столом сидел какой – то мент.

– Проходи, фамилия, как звать, в каком году родился, где живёшь? – начал он задавать вопросы, записывая ответы.

– Климов, Санька, то есть Александр Александрович, восьмидесятого года рождения, – с испугом отвечал Санька.

Он ни как не ожидал такого поворота событий, и если б знал, что так случиться, то ни за что на свете, не стал бы идти на поводу у Игоря.

Уж лучше б он вообще не выходил из дома сегодняшним утром, чем оказаться в таком положении, как сейчас.

– Подай мне вон ту, упавшую бумажку, – вдруг попросил его мент.

Санька наклонился под стол за бумажкой, но там ничего не оказалось и вдруг, получил сильный удар: острая, обжигающая боль пронзила всё тело.

От неожиданности, Санька упал, и сразу получил ещё

удар.

Его били профессионально, методично, с каким – то звериным наслаждением, стараясь не оставлять синяков и ссадин на его теле.

От одного из ударов, Санька прикусил нижнюю губу, и изо рта потекла кровь.

– Иди, умойся, – сказал мент, прекратив на время избивать Саньку.

Санька подошёл к водопроводному крану, открыл его, умылся и с жадным наслаждением стал пить прохладную воду.

Но тут его снова сильно ударили.

Саньку били долго и монотонно, с садистским удовольствием. Он закрыл голову руками, стараясь защититься от ударов. Это, с трудом, удалось сделать, но через некоторое время, он потерял сознание.

Глава шестая

Серёга был рядом, когда Саня пытался вымогать деньги у пацана, и когда их поймал какой – то мужик.

Когда же мужик повёл Саньку с пацаном в ментовку, Серёга сильно испугался, и опрометью бросился бежать домой.

Он бежал, не разбирая дороги, боясь, что и за ним кто – либо бросится в погоню. Добежав до своего дома, Серёга остановился отдышаться: погони за ним не было.

Немного отдышавшись и успокоившись, Серёга бросился к Санькиному дому. Он решил всё рассказать его матери, может она вызовет Саньку из беды.

На тревожный звонок, дверь долго не открывали, но вот дверь распахнулась и на пороге появилась Санькина мать.

– Там вашего Сашу, – начал, запинаясь, Серёга, – в универмаге, забрали в милицию.

После этого, Серёга развернулся и убежал. У Натальи Петровны опустились руки, и сильно сжалось сердце; плохие предчувствия и жуткие сны начали сбываться.

Услышанная новость, настолько сильно её поразила, что

в первые минуты, Наталья Петровна стояла, как парализованная. Ничего не понимая, и ничего не соображая. Значительно позже, действительность вернула её в реальный мир, и она решила действовать.

Она бросилась одеваться, с горячим желанием срочно спасти единственного сына, но тут вспомнила Васильева Виктора.

С их первой встречи прошло уже около года. Виктор, не обманул, он действительно перезвонил, тогда, через два дня и сказал, что договорился со своим другом, что у того есть вакансия, и хотя работа не совсем была по её специальности, но вполне приличная и хорошо оплачиваемая. Если она не против, то можно договориться о встрече. Конечно, Наталья Петровна была не против, а двумя руками за. Они встретились, Виктор отвёз на новое, предполагаемое, место работы и познакомил со своим другом – начальником.

Работа Наталье Петровне подошла, да и коллектив сотрудников оказался хорошим.

Вот уже больше полугода работает на новой работе, в новом коллективе и пока ей всё нравится.

В самом начале было трудно освоить непривычные требования к её деятельности, но затем быстро вошла в курс дела и стала справляться с прямыми обязанностями.

Потом с Виктором еще встречалась несколько раз, но это были всё случайные встречи.

– Конечно, Виктор мне поможет, – решила она и набрала номер телефона.

– Да, я вас слушаю, – раздался в телефонной трубке мужской голос.

– Виктор, – взволнованно и быстро начала говорить Наталья Петровна, – Саньку забрали почему – то в милицию, помоги мне.

– Я сейчас приеду к тебе, жди меня и ничего не предпринимай.

В телефонной трубке послышались тревожные короткие гудки. Наталья Петровна, некоторое время, в растерянности, смотрела на неё. А затем повесила телефонную трубку на место и стала потихоньку собираться.

Прошло минут пятнадцать, в дверях раздался звонок, она открыла дверь. У порога стоял Виктор Васильев:

– Ну, что, готова? – спросил он.

– Да, – ответила Наталья Петровна.

– Тогда, поехали.

Они вышли из дома, сели в его машину и поехали. Около предполагаемого отдела милиции, где по идее, должен был

находиться Санька, Виктор Васильев остановил машину, и, сказав Наталье Петровне, что б его подождала немного, вышел из машины и зашёл в отдел.

Васильев отсутствовал минут двадцать, но для Натальи Петровны, это была целая вечность, как – будто прошло двадцать лет. Когда Васильев вышел, он вёл побитого Саньку. Наталья Петровна бросилась к сыну.

– Еле уговорил, – уже в машине, когда все сели и поехали, начал говорить Васильев, – отдать мне мальчишку. Уголовное дело обещали не заводить, тем более, что они сами нарушили закон и допрашивали Александра без школьного учителя, родителей, или защитника, да ещё применили рукоприкладство, но на учёт в детскую комнату милиции поставят. Так что, герой, ты еще хорошо отделался, но учти, теперь за тобой хвост и за каждый пустяковый проступок будут взыскивать по самое первое число.

Они быстро доехали до Санькиного с матерью дома, Васильев остановил машину, выпустил их, распрощался и уехал.

На следующий день, ближе к вечеру, в квартире Натальи Петровны раздался телефонный звонок. Наталья Петровна подняла трубку.

– Как там сын? – раздался в трубке голос Васильева.
– Да, ничего, отходит понемногу.
– А чем ты занимаешься?
– Только недавно пришла с работы, а тут вот звонок.
– Наташ, а почему бы нам сегодня не встретиться, сходили б в ресторан, отметили б счастливое избавление сына?
– Я даже не знаю, – в нерешительность ответила Наталья Петровна, – надо подумать.
– Что там думать, я через полчаса за тобой заеду, будь готова, – сказал Васильев и повесил трубку.

Наталья Петровна не ожидала такого решительного напора и стремительного натиска. Но, помедлив немного, стала надевать нарядное платье.

Ей было приятно приглашение Васильева, но в ресторане не была уже много лет, и это предложение немного сковывало и волновало.

В назначенный час в дверях раздался звонок. Наталья Петровна, открыла дверь, на пороге стоял Васильев с букетом цветов:

– Ну, ты готова? – спросил он, протягивая цветы.
– Почти, – ответила она, беря в руки букет, – проходи, подожди немного, я сейчас.

Она поставила в воду цветы и закончила сборы. Преду-

предила Саньку, что придёт домой поздно, что б он не ждал и ложился спать. Одеда выдавшее виды пальто, и вышла с довольным Васильевым на улицу.

На улице стояла чудесная погода. Днём мартовское, весеннее солнце, успело очистить асфальт от остатков снега, и асфальт сейчас свежо блестел, как умытый ребёнок. Они сели в машину и поехали.

Васильев был очень доволен, что Наталья согласилась провести с ним этот вечер.

Он давно хотел пригласить её в ресторан, но всё как – то не находил удобного случая и не было подходящего повода для этого. А здесь сама судьба давала шанс, и он этим хотел, воспользовался.

После разрыва и развода с бывшей женой у Васильева было много женщин, но они приходили и уходили, не тронув его чувств, не оставив следа в душе, не нарушив привычного ритма жизни.

Все они от него что – то хотели, что – то требовали, чего – то добивались, и только с Натальей у него было иначе.

Она от него ничего не требовала, ничего не хотела. Он сам ей навязывался в помощники, и этим был доволен.

Ещё в школе ему нравилась эта симпатичная скромная

девчонка, но подойти и предложить ей дружбу, не говоря уже об ухаживании, Васильев не смог.

Долго себя уговаривал, корил за трусость и убеждал сделать первый шаг, но пойти на это, так и не решился. Да и вряд ли, в то время, она на него обратила б внимание.

Он был худ, угловат, да ещё юношеские прыщи разукрашивали всё лицо. В общем, никакой, ни эталон мужской красоты и вряд ли какая девчонка могла на такого позариться и польстится на его ухаживания.

Сейчас же он был несказанно рад, что случайно встретил её снова и надеялся на продолжение отношений. Но он не торопил Наталью, давая возможность самой сделать выбор, надеясь на положительный результат....

В ресторане, они сели за уже сервированный, заранее заказанный Васильевым, столик.

Васильев взял в руки бутылку и налил Наталье Петровне немного вина.

– За что будем пить, – спросила она.

– За твоего сына, – ответил Васильев, – что б у него больше не было таких неприятностей в жизни.

– Давай, – согласилась Наталья Петровна.

Они немного выпили, затем закусили заливным говяжьим языком.

– Я уже, целую вечность не была в ресторане. Спасибо тебе, что вытащил сюда.

– Не стоит благодарностей, мне самому очень приятно быть с тобою здесь.

– Я давно не пила и это вино уже ударило мне в голову.

– Не переживай, это скоро пройдёт.

Заиграла нежная, мелодичная музыка.

– Может, потанцуем? – спросил неуверенно Васильев.

– А почему бы и нет? – ответила вопросом на вопрос, слегка смущенная Наталья Петровна.

Васильев встал из – за стола и подошёл к Наталье Петровне.

Он помог ей подняться, отодвинул стул и, поддерживая за слегка подрагивающую, от плохо скрываемого волнения руку, повёл за собой.

Такое галантное обхождение было очень приятно Наталье Петровне и она, с удовольствием опёрлась на его сильную руку и последовала за Васильевым.

Они вышли на середину зала и начали кружиться в медленном вальсе.

Наталье Петровне было радостно танцевать с этим сильным, красивым мужчиной. Ей было спокойно и хорошо находиться в нежных, но крепких объятьях, приятно снова ощутить уверенное мужское прикосновение.

Ей давно хотелось очутиться в руках настоящего, уверенного в себе мужчины и вот, кажется, она нашла такого.

По всей видимости, потаённое желание сбывалось.

Голова немного кружилась от выпитого вина, но очень хотелось находиться рядом с ним и ощущать его всеми частями тела.

Васильеву тоже доставляло удовольствие обнимать в танце эту очаровательную женщину. Нежный аромат духов волновал и тревожил чувства.

Он нежно обнимал тело, вдыхал запах волос, и ощущал огромное счастье, выпавшее на его долю.

– Ты сегодня обворожительна и прекрасна, как никогда, – решил, наконец, вымолвить что – то Васильев.

– Ты мне льстишь, – ответила ради приличия Наталья Петровна, но ей эти слова были очень приятны и доставили большое удовольствие.

– Нисколько, – ответил Васильев, произнося это от чисто-

го сердца, — я давно хотел сказать, что ты самая прекрасная женщина, я ещё не встречал лучше тебя.

— Опять ты преувеличиваешь, — улыбнулась смущенно Наталья Петровна.

Они ещё долго танцевали, затем, несколько раз присаживались за столик и опять танцевали.

— Уже поздно, пора уходить, — спохватилась Наталья Петровна, — завтра на работу.

— Пойдём, — согласился Васильев.

Васильев расплатился с официантом за ужин, и они, надев верхнюю одежду, вышли на улицу.

Ночная прохлада приятно пахла в их разгорячённые лица. Легкий морозец и безоблачное, звездное небо создавали торжественность обстановки.

Они сели в машину и поехали.

Не доезжая нескольких кварталов до её дома, Васильев остановил машину.

— В этом доме теперь живу я, — указал Васильев на дом на противоположной стороне улицы.

— Вот как, это не далеко от меня.

— Может, зайдём, выпьем кофе?

– Нет, уже поздно, в другой раз.

– Мы ненадолго! Только посмотришь, как живу, и я сразу отвезу домой, – взмолился Васильев.

Наталье Петровне давно хотелось посмотреть на жилище Васильева, её женское любопытство весь вечер не давало ей покою.

Ей было очень интересно побывать в квартире своего бывшего одноклассника, а теперь бизнесмена.

Но, несильно опьяненный выпитым вином рассудок гнал её домой к сыну.

Завтра надо рано утром вставать на работу, неудобно идти ночью одной домой к одинокому мужчине и, хотя она его знала с детства, но береженого – Бог бережет.

Санька остался дома один и хотя он уже большой, но материнское сердце все равно волновалось за него.

Вдруг опять ему померещиться тот чёрный, страшный мужик.

«Я только краем глаза посмотрю, как он живет, – уговаривала сама себя, – и сразу назад».

После долгих колебаний женское любопытство, подкреплённое хмелем выпитого вина, всё же взяло верх над рассуд-

КОМ:

– Ладно, – сказала она, – только быстро.

Васильев на перекрестке развернул машину и остановил около своего дома.

Выйдя из машины, он открыл дверь перед Натальей Петровной и подал руку.

Опираясь на руку Васильева, Наталья Петровна вышла из машины, и они вошли в подъезд.

Квартира у Васильева была небольшая, но уютная. Всё было скромно, аккуратно и чисто, ни каких излишеств.

– Не скажешь, что квартира одинокого мужчины, – сказала она, – сам убираешь?

– Сам, – ответил Васильев, помогая снять пальто, – проходи в комнату.

Наталья Петровна прошла в комнату, с любопытством оглядывая обстановку.

– Присаживайся, – предложил Васильев, жестом показывая на кресло около журнального столика.

Наталья Петровна робко присела на краешек кресла.

– Может немного вина? – спросил он, доставая из бара бутылку виноградного вина и коробку конфет.

– Ну, если только чуть – чуть, – согласилась она.

Её рассудок, как верный страж добродетели, говорил, что это ни к чему, это уже лишнее. Ведь она собиралась лишь краем глаза взглянуть, как живёт Васильев и уехать домой. Но слегка опьяненное любопытство, снова взяло верх над разумом.

Васильев достал из серванта два бокала и наполнил их вином.

– За что будем пить? – спросила Наталья Петровна.

– За нас с тобой, – ответил Васильев и слегка ударил своим бокалом, её бокал: раздался мелодичный звон хрусталя.

– За нас, значит за нас, – ответила Наталья Петровна.

Они выпили. Васильев открыл коробку конфет и предложил их Наталье Петровне.

Она взяла одну и надкусила, приятная сладость усилила аромат выпитого вина.

Васильев встал из-за журнального столика, за которым они сидели, подошёл к музыкальному центру и включил его.

Комната наполнилась негромкими чарующими звуками приятной музыки Поля Мариа.

Красивая, нежная мелодия заполнила весь объем жилища, уносясь в бесконечную даль, волнуя и теребя душу, куда – то зовя за собой.

– Потанцуем немного, – предложил Васильев, – взяв Наталью Петровну за руку.

Наталья Петровна встала и подошла к Васильеву. Он нежно и ласково обнял ее, и они начали кружиться в медленном танце.

Васильев мягко и трепетно прижимал к себе, его опять, как там, в ресторане, стали волновать её тело, волосы, запах духов.

Он не смог совладать со своими чувствами и, не выдержав, украдкой, чтобы не напугать, стал слегка целовать чудесные волосы.

Наталья Петровна была счастлива от близости его тела, голова кружилась от выпитого вина, а щеки пылали от предвкушения будущего блаженства.

Она сразу не почувствовала нежные и мягкие поцелуи, а когда почувствовала, то подняла к нему сияющее лицо.

Васильев стал целовать лоб, нос, глаза, щеки, и, видя, что она не сопротивляется этому, нежно поцеловал в губы.

Давно Наталью Петровну никто так не целовал, из глубин души поднялась волна первобытного желания, инстинкт женщины заставил прижаться к нему вплотную, ей страшно захотелось этого мужчину, все клеточки тела просили об этом.

Не в силах бороться со своими чувствами и желаниями, Наталья Петровна ответила Васильеву робким, нежным поцелуем.

Они уже не танцевали, а стояли и целовались, как совсем юные влюбленные, впервые узнавшие, что такое вкус любви и без оглядки, окунувшись в это пленительное чувство.

Васильев, продолжая целовать, нежно гладил спину Наталье Петровне, и тут его рука наткнулась на молнию платья.

Он потянул за бегунок вниз, молния легко раскрылась, обнажив всю спину и плечи Натальи Петровны.

Васильев нежно стал целовать шею и обнаженные плечи, доставляя всё новые и новые, приятные ощущения своей спутнице.

Платье, ничем не удерживаемое, упало на пол, обнажив ещё молодое и красивое тело. Васильев снял бюстгальтер.

Взору открылись две очаровательные, как у юной девушки, грудки.

Васильев никогда не думал, что у рожавшей женщины, которой уже за тридцать, может быть такая прекрасная девичья грудь. Соски призывно топорщились, дразня и маня к себе.

Он припал губами и с наслаждением начал нежно и трепетно целовать обе груди, по очереди, слегка касаясь соски языком. Соски напряглись и набухли, отвечая на эти ласки.

Наталье Петровне доставило это особое удовольствие, она вспомнила, как неоднократно испытывала оргазм, кормя грудного сына молоком.

Как он кусал беззубым ртом соски, урча и сердясь на мать, что мало молока попадает в рот, как он пухлыми ручонками сжимал грудь...

Ощущения, доставляемые Васильевым, были немного иными, но ласки были очень приятны и тоже сильно возбуждали.

– Возьми меня, – в изнеможении простонала Наталья Петровна, больше не в силах терпеть этой сладостной пытки.

Васильев снял с неё трусики, поднял на руки и понёс в спальню.

В спальне нежно положил на кровать, быстро разделся и продолжил осыпать тело поцелуями, и нежными ласками.

От переполнившего желания, Наталья Петровна застонала, она больше не в силах была терпеть всего этого, её охватило буйное желание почувствовать плоть внутри себя.

Вот, наконец, он вошёл в неё, его движения были ритмичные и сильные. Она ощутила сказочное наслаждение, вихрь блаженства унес её куда – то далеко – далеко и она окунулась в лёгкое забытье, словно растворившись в его теле.

Глава седьмая

Санька долго ждал мать, но не дождался. Поздно вечером он разобрал кровать, выключил свет и лёг спать.

– Что она нашла хорошего в этом мужике, – думал Санька, укладываясь по – удобнее, – Да, конечно, он вызволил меня из ментовки, надо отдать ему должное. Но зачем ей с ним идти вечером куда – то? Что он всё крутится около неё? Был бы ещё красавцем, а то так, ничего особенного, урод, какой – то.

Санька долго не мог уснуть. Как вдруг, темнота в комнате стала сгущаться, и опять появился черный мужик и стал подходить к Санькиной кровати.

Санька вскочил с кровати и бросился к выключателю. Загорелся свет, но в комнате никого не оказалось.

Санька заглянул под кровать, но и там было пусто. Он пошёл в комнату матери и включил там свет.

В комнате матери было пусто. На кухне, куда заглянул Санька, тоже никого не было.

– Странно, – подумал Санька, ложась обратно в кровать, но, не выключая свет, – куда он делся? Что же всё – таки ему от меня нужно? Что всё это значит?

С тех пор, как впервые Санька увидел этого странного черного мужика, прошло много времени. Он уже немного привык к этим визитам, но пугало и раздражало это молчание.

— Уж лучше б он что — либо сказал, — думал Санька, — а то стоит, как столб и молчит.

Постепенно Санькины мысли стали путаться, его сознание затуманилось, и он заснул крепким сном.

Наталья Петровна пришла домой под утро, она укрыла одеялом, разметавшегося в тревожном сне сына, выключила везде свет и прилегла на свою постель.

Она долго не могла заснуть, вновь переживая всё происшедшее с ней.

В её жизни, после мужа, мужчин почти не было, она уже успела смириться с этим и отвыкнуть от ощущения, быть рядом с женщиной, чувствовать сильное тело, ощущать мужской запах и свыклась со своим одиночеством.

Сегодняшний день перевернул всю жизнь, она почувствовала вновь вкус к жизни, необходимость опереться на сильное мужское плечо, ей захотелось счастья.

Она ощутила неистребимую жажду любви, ей захотелось любить и быть любимой.

Ей хотелось этого мужчину, она мечтала, что бы он снова овладел её телом, снова целовал и ласкал. Её мысли всё вновь и вновь возвращались к тому, что произошло на квартире Васильева.

Эти воспоминания радовали, теребили душу, но немного тревожили, она слегка опасалась их, волнуясь за будущее....

Засыпать уже было не к чему. Скоро надо собираться на работу.

* * *

Оставшаяся часть учебного года, для Сани, прошла без особых происшествий.

В школе продолжались монотонные уроки с обязательной зубрёжкой.

Сане на уроках было не очень интересно, и он не знал чем себя занять и что сделать, что бы убить время.

Он вертелся, строил рожицы, пока учительница не видела, дёргал за косы, или бил книжкой по голове сидящую впереди отличницу. Но время всё равно текло медленно, а уроки были очень длинными и утомительными.

Уже в конце четвертой четверти, на уроке труда, Саня

привязал над дверью кабинета ведро, и налил туда воды.

Учитель по трудам всегда опаздывал на занятия, он никогда голову не поднимал, а всё время смотрел под ноги, как бы что-то ища, или боясь споткнуться и упасть.

Вот и на этот раз, учитель вбежал после звонка в класс, не поднимая головы, врзался в ведро и облился водой.

Всем ребятам было весело и смешно, а Саню отвели в кабинет директора и очень долго ругали.

К большой радости Саньки, никаких серьёзных последствий для него не было, вот только мать сильно переживала и долго выговаривала ему за эту дикую выходку.

Зато у ребят Санька стал пользоваться заслуженным авторитетом.

– Ну и круто ты придумал Клим с ведром, – уважительно говорили они ему, – это можно афигеть просто.

– Вау, ну ты молоток, – восхищенно говорил Серый, – ты переплюнул даже Игоря Порядочного.

– А что Игорь сделал? – удивился Саня.

– Как? Разве ты не слыхал?

– Нет.

– Так ведь на той недели вся школа об этом только и говорила.

– Я тогда болел и валялся дома с температурой.

– Так ты самое интересное пропустил!

– Не тяни kota за хвост. Объясни толком, что произошло?

– Игорь на уроке химии разлил на столе учительницы кислоту, как раз там, где она обычно сидела.

– Ну и что?

– Химичка в начале урока вошла в класс и, не глядя, села за стол, положив руки на стол.

– А что потом?

– Потом она подняла руку, а её кофточка вся стала дырявой, так как была из синтетической ткани.

– Ух ты! Ни чего себе. А что Игорь?

– Отделался лёгким испугом. Его обещали выгнать из школы, но не выгнали.

Весна была в полном разгаре, жаркое, не по – весеннему солнце сильно припекало и нестерпимо грело в душном классе, беспрепятственно проникая в помещение, через широкие без штор окна.

Открытые форточки и распахнутые настежь фрамуги окон не спасали от этого зноя, и Саня мирно засыпал за партой, лишь только начинался урок, под монотонный и размеренный голос учительницы.

Но вот, наконец, хотя и почти со всеми тройками, он закончил этот тяжелый учебный год.

Начались летние каникулы. Однажды выйдя из дома на улицу, Саня увидел соседскую девочку Инну, свою ровесницу, сидевшую на скамейки около дома.

– Привет, – сказал он, – что делаешь?

– Привет, – ответила она тихо, – ничего особенного.

– Не хочешь со мной пойти в кино?

– Хочу.

– Тогда пошли.

– Пошли.

Инна поднялась и подошла к Сане.

Они вдвоём, иногда ходили в парк качаться на качелях, или смотрели вместе кино в кинотеатре.

Саня угощал конфетами и мороженым, но это было не часто, ведь ему редко перепали деньги на карманные расходы от матери.

Инне нравился этот мальчишка, с вечными выдумками и умением попадать в самые неожиданные ситуации.

Она испытывала к нему нежность, и какую – то материнскую заботу.

В её созревающем женском организме пробудилось желание быть нужной кому – то, желание быть рядом с кем – то, и Саня был для этого подходящим объектом.

Саня ж относился к ней, как к товарищу по их играм, и походам по городу.

Он не воспринимал её, как женщину, ему было так же хорошо с ней, как и с другими ребятами, своими сверстниками.

Вот и сейчас, они пошли в кинотеатр, посмотреть индийский фильм про любовь со счастливым концом.

Инна была довольна фильмом, ей нравилась индийская музыка и мелодичные песни, а то, что влюблённые после долгих преодолений различных препятствий, всё же соединили свои сердца и поженились, вселяло оптимизм и уверенность, что на свете добро всегда побеждает зло.

Сане же фильм не очень понравился, он не любил фильмы про любовь и, хотя несколько драк в этом фильме заинтересовали, но он предпочитал боевики, или на худой конец ужастики.

Они шли из кинотеатра, через парк, весело болтая друг с другом, летнее солнце припекало, и на душе Сани с Инной было тепло и весело.

Молодая листва радовала взгляд и манила под свою сень. Птицы щебетали и пели им свои свадебные песни. Природа нарядилась в самые лучшие свои одежды и как невеста, хвасталась своим убранством.

Вдруг, внимание Сани привлекла пара взрослых, обнимающих и целующих друг друга.

Внимательно приглядевшись, Саня узнал в этих людях свою мать и того мужика, что помог ему вырваться из мен-товки.

В Сане заклокотала ревность: с какой стати, этот мужик лапает и обнимает его мать, что ему нужно?

– Смотри, – сказал он Инне, – опять этот урод цепляется к моей матери.

– Какой урод? – на поняла та.

– Да вон тот, что рядом с моей матерью!

– Может у них любовь? – примирительно ответила Инна, которая уже сама мечтала о юном принце на вороном коне, который бы тоже обнимал, целовал и ласкал бы её, – они ж взрослые мужчина и женщина и им нужно общение.

– Плевал я на их общение, – кипятился Саня, – она моя мать и я не допущу, что бы всякие тут уроды её хватили и тискали.

– Ну, успокойся, – пыталась урезонить его Инна, – чего ты лезешь в бутылку, ведь, смотри, твоей матери приятно быть с ним, она даже улыбается.

– Зато мне неприятно смотреть на всё это.

– Так не смотри, пошли скорей отсюда!

И Инна с силой поволокла Саню прочь. Саня сопротивлялся, но шёл, всё время, ругаясь и кляня мужика, посмевавшегося трогать мать.

Остаток дня был окончательно испорчен. Саня никак не мог смириться с поведением матери и того мужика, как бы Инна ни успокаивала и ни уговаривала, он упрямо стоял на своём.

В конце концов, они поругались и разошлись по домам злые друг на друга, и на самих себя.

Домой, Наталья Петровна, пришла поздно.

– Мам, – рассержено заговорил Саня, как только та переступила порог, – ты опять встречалась с тем мужиком?

– С каким? – удивилась мать.

– Который меня из ментовки спасал.

– А, с Васильевым, да мы встречались.

– Я же тебя просил, не надо с ним встречаться, зачем он тебе, неужели меня одного мало?

– Это тебя не касается, – возмутилась мать, – что ты лезешь в мою личную жизнь? Я ещё не совсем старая, мне надо немного подумать и о себе.

– А обо мне, ты не хочешь думать?

– Я и так, только о тебе и думаю!

– Где ж ты думаешь обо мне, если все свободное время проводишь с этим уродом?

– Не смей его так называть! – вновь вспыхнула мать.

– А как мне его называть, если он без спроса врывается в нашу жизнь?

– Он много хорошего сделал и мне, и тебе, и не заслуживает плохого отношения, – продолжала возмущаться мать.

– Мам, ну вспомни, как нам было хорошо вдвоём, – пытался сменить тактику и начал уговорить её Санька, – зачем он тебе?

– Нам и троём будет неплохо.

– Так ты что, за него собираешься замуж?

– Пока нет, он не предлагал, но может быть и выйдет, если предложит.

– Мам, не делай этого, я тебя очень прошу.

– Опять ты лезешь не в свои дела, лучше иди, спать ложись, уже поздно.

– Мам, я тебя очень прошу, брось ты его.

– Не твоего ума это дело! Я кому сказала? Спать!!!

Саня, расстроенный и злой, ушёл в свою комнату, постелил себе и лёг спать.

Ему очень не нравилось, что мать увлеклась этим мужиком. Их частые встречи бесили Саню и не давали спокойно жить.

Саня боялся, что мать, выйдя замуж, забудет о нём, всё

внимание и любовь, отдав своему новому мужу, а если у них появится ещё ребёнок, то Санька будет, совсем заброшен и она его отвергнет окончательно.

Что бы этого ни случилось, надо было что – то срочно делать, Саня вознамерился помешать их свадьбе. Как он это сделает, он ещё не решил, но что это обязательно будет, он знал точно.

Успокоившись таким решением, Саня закрыл глаза и быстро, крепко заснул.

Глава восьмая

Летние каникулы шли своим чередом, природа расцветала буйством красок и манила к себе. Санька часто бегал в лес, на речку, и хотя вода ещё не очень прогрелась, но он уже успел искупаться несколько раз. Вот и сейчас он шёл за Сергеем домой, что бы сбегать вдвоём на речку.

– Клим, привет, – окликнул его Сергей, – куда путь держишь?

– Привет Серый, – ответил Саня, – иду за тобой, айда на речку.

– Я сейчас иду в соседский двор, – сказал Сергей, – там есть заброшенный сарай, пацаны сделали туда лаз, пошли со мной. Может там, что интересное найдём, а потом сможем на речку.

– Пошли, – согласился Саня.

Сарай был старый и ветхий. Ржавый, давно не открывавшийся замок закрывал вошедшую на немного в землю покосившуюся дверь.

Сергей полез на крышу сарая, Саня последовал за ним.

Крыша была покрыта в несколько слоёв старым, потрескавшимся во многих местах и кое – где порванным руберо-

идом. На рубероиде, от времени, уже появились обширные острова мха и лишайника: серовато – голубоватых, желтовато – золотистых и золотисто – коричневатых цветов.

Сергей руками раздвинул в одном месте рубероид и юрк-нул в образовавшийся лаз. Саня последовал за ним.

В сарае стоял полумрак. Из лаза, щелей между старыми досками, с великим трудом пробивался свет, освещая всё вокруг тусклым сиянием.

Всюду валялись какие – то вещи, сломанные стулья, табуретка без одной ножки, старый, с отломанной ножкой стол, обрывки газет и журналов.

В углу лежала куча, покрытая пылью, книг.

Саня стал разгребать кучу: там были книги по медицине, математике, физике, материалы каких – то пленумов и съездов, старые конспекты каких – то лекций.

Саня взял одну из книг: это была книга по акушерству для медсестер медицинского училища.

Он с интересом открыл её.

В начале книги говорилось об особенностях развития женского организма с момента рождения, до полного полового созревания и приводились соответствующие фотографии обнаженных девочек и девушек.

Девочкам, которым было до десяти лет, лицо ничем не за-

крывали на фотографиях, а у девочек и девушек старше десяти лет, вместо глаз и части лица, располагались чёрные прямоугольники.

К Сане подошёл Сергей и заглянул через плечо:

– Ух, ты, просто афигеть. Во, клёво, как! Дай посмотреть, – попросил он, и приятели стали рассматривать книгу вместе.

Их очень заинтересовали фотографии, и ребята долго их разглядывали.

Затем Сергей, ткнул пальцем в одну из фотографий, на которой была сфотографирована обнаженная девушка с квадратиком вместо глаз, Санькиного возраста и спросил:

– А у твоей Инки так же?

– Не знаю, – сконфуженно ответил Саня, – я её голой ещё ни разу не видел.

– Ну и зря, – ответил Сергей, – ты что, боишься её?

– Да, нет, – неуверенно протянул Саня.

– А чё ещё не раздел?

– Да как – то случай не подвернулся.

– Тебе наверно слабо её раздеть, – подзадоривал Сергей приятеля.

– Ещё чего, – обиделся Санька и отошел от друга, делая

вид, что нашел что – то интересное в другом конце сарая.

Но Сергей не унимался:

– Явно тебе слабо!

– И совсем не слабо, – не очень уверенно проговорил Сания.

– Слабо, слабо!

– А вот и нет!

– А вот и да!

– А вот и нет!

– А вот и да!

– А вот и нет! Спорим, что я её раздену!

– Спорим! А на что спорим?

– На жвачку.

– Лады, кто поспорит, тот покупает жвачку.

Приятели поспорили, затем покопались в старье ещё некоторое время, но больше ничего стоящего не нашли и вылезли наружу.

День был в полном разгаре, и они решили сходить искупаться.

На речке было много народу, но вода ещё была прохладная и мало кто, решался лезть в воду.

Ребята разделись, до плавок, немного погрелись на солнышке и решили окунуться в реке.

Речная вода была обжигающе холодной, у Сани даже дух захватило.

Он облил водой сначала руки, затем грудь и спину, а только после этого, медленно вошёл в воду, и поплыл.

Ему показалось, что вода перестала так обжигать, тело немного привыкло к новой обстановке и он поплавал некоторое время, но холод, всё равно, быстро выгнал его на берег.

Сергей же так и не решился полностью войти в воду.

Он зашёл в воду по пояс, но дальше идти испугался и вернулся на берег.

– Ты что сдрейфил? – спросил Саня.

– Я не самоубийца, лезть в такую холодрыгу.

– Ты это зря, очень бодрящая водичка.

– Не все ж моржи, вроде тебя.

Ребята обсохли и решили вернуться домой, договорившись, что вскоре выйдут гулять снова.

Дома Саня пообедал и опять вышел гулять на улицу.

На улице Сергея не было видно, но недалеко на лавочке заметил сидящую Инну.

Саня подошёл к ней.

– Привет, – сказал он.

– Привет, – ответила Инна и улыбнулась.

– Серого не видела?

– Нет, он не появлялся.

– А ты чем занимаешься?

– Ни чем, сижу на лавке от нечего делать.

– Не хочешь пойти со мной позагорать? – вдруг предложил Саня.

– Пойдём, – оживлённо ответила Инна, – я только сбегая домой надену купальник, да возьму подстилку.

Через некоторое время они уже шли по дороге, весело разговаривая, радостные, что идут рядом друг с другом.

– Мы с Серым сегодня уже были на речке, – сообщил Саня, – но там холодно, пошли в лес, там я знаю чудесную полянку.

– Пошли, – согласилась Инна.

В лесу было прохладно. Они шли по дорожке между высокими деревьями: щебетали птицы, недалеко стояла дикая груша.

Саня взял Инну за руку, и повёл за собой. Они пролезли через кусты терновника, оказавшись, на небольшой поляне.

– Смотри, – сказал Саня, – как здесь здорово.

Обильное разнотравье покрывало всю поляну.

Из не скошенной, перезрелой травы выглядывали, точно играли в прятки колокольчики, стояли, мигая желтыми цветками – фонариками лютики, высоко над всеми поднял свои золотисто – желтые, с красноватым отливом цветы, коровяк.

Всюду порхали разноцветные бабочки, летали стрекозы, собирали нектар пчёлы, жужжали шмели.

Саня взял подстилку, постелил её и начал раздеваться.

Разделась до купальника и Инна. Они легли рядом друг с другом и начали загорать.

Уже скоро Сане наскучило неподвижное лежание, он сорвал травинку, повернулся к Инне и начал щекотать по рукам, шее, животу.

Она засмеялась и стала отталкивать.

Он сопротивлялся, затем навалился на неё, и они стали бороться, шутя, толкая друг друга. Так продолжалось некоторое время, но вот губы их столкнулись, и Саня сильно, в засос, поцеловал.

Инне давно хотелось этого, но всё произошло не так, как мечтала, и это её сильно огорчило. Она, оттолкнула Саньку,

укоризненно сказав:

– Что ты делаешь, губы будут синие и от матери попадёт.

– А я попробую ласковей, – ответил Саня, обнял её и привлек к себе.

На этот раз Инна не сильно сопротивлялась, постепенно начав отвечать на поцелуи. Нацеловавшись вволю, они легли рядышком.

Санька обнял и привлек к себе, она сама послушно придвинулась.

Тогда Санька развязал лямки купальника.

Заинтригованный увиденными фотографиями из книги, ехидными замечаниями Серого, да ещё помня о споре с ним, Сане было интересно посмотреть на Иннину обнажённую грудь.

Но она не хотела этого, ей не нравилась эта Санина поспешность и бесцеремонность действий.

Только когда, он с силой снял с неё бюстгальтер купальника, она смирилась с данной ситуацией и обречено опустила руки.

Сане открылась ещё не до конца сформировавшаяся девичья нагота.

Грудки только недавно начали развиваться и лишь слегка припухли, чуть – чуть возвышаясь над грудной клеткой.

Саня привлёк Инну к себе и снова стал жарко и жадно целовать в губы.

Губы Инны сначала очень не уверенно, а затем всё активнее ответили ему тем же.

Тогда его рука скользнула по плоскому животу под плавки купальника, и он ощутил жар между ногами.

Инна с возмущением оторвала руку, оттолкнула Саньку от себя и заплакала, закрыв лицо руками.

Ей совсем не хотелось, что бы Санька там трогал.

Она боялась, что если позволит туда залезть, то затем, явно не справится со своими, спрятанными в глубинах души, желаниями. Она уступит, и он сделает её женщиной.

Перспектива стать, наконец, женщиной Инну не пугала, ей даже, хотелось этого, надоело быть девственницей, но при этом, как слышала от подруг, легко можно забеременеть; а это уж совсем не входило в планы.

Она ещё даже школу не закончила, и обзаводиться лялькой, было рано.

По этой причине, она и решила не позволять Саньке больше трогать там, хотя бы сегодня. А потом, со временем, если

будет предохраняться, или во время месячных, это совсем другое дело, там видно будет, решила она.

Саня, огорченный таким поворотом дела, перестал её трогать и попытался утешить, но Инна отогнала его.

Совсем разругавшись, друг с другом, они торопливо оделись и молча пошли домой, недовольные всем происшедшим, собой, и друг другом.

Дома Саньку ждала приятная новость: приехал к ним дед, по материнской линии.

– Дешк, – бросился ему на шею Санька, – как я рад тебя видеть!

– Я тоже внучек, – ответил дед, обнимая внука, – ты повзрослел и возмужал.

Санька очень любил деда, и это было у них взаимно.

Своего родного отца Санька не помнил, родители развелись, когда Санька был ещё совсем маленький, а после развода отец ни разу не навестил сына, ни разу не принес, никакого подарка, хотя бы ко дню рождения, ни разу не прислал, ни копейки денег.

Мать подавала на алименты, но ей пришло сообщение, что бывший муж нигде не работает и алименты, не могут с него взыскать. Больше мать не пыталась требовать никаких денег, сознавая, что это бессмысленно.

Дед же, отец матери, заменил ребёнку отца и хотя дед жил в деревне, но часто навещал их с матерью, а каждое лето забирал Саньку к себе.

В раннем детстве, Саня на день рождения деда написал свой первый и единственный стих:

Первого апреля, никому не веря,
Отмечаем дедушкин мы день рожденья.
Первого апреля, никому не веря,
Поздравляем дедушку мы с днём рожденья.

(В. Лиштванов)

Конечно, стих был далёк от совершенства, но дед и внук были очень довольны и мать – просто счастлива, глядя на них.

– Ну что, Санёк, поедешь со мной в деревню? – спросил дед.

– Поеду, – радостно ответил Саня, – а ты научишь меня водить машину?

– Конечно, – ответил дед, – ты уже вырос и можно тебя

сажать за руль.

– Так поехали сейчас, скорее, – нетерпеливо стал торопить его Саня.

– Сейчас, мать тебе соберет вещи, и мы поедем.

– Есть будешь? – спросила Саню мать, выходя из своей комнаты.

– Нет, я у Дешки поем.

– Опять ты его «дешкой» зовёшь, – недовольно проворчала мать, – сколько можно тебе говорить, что б ты не звал его так.

– А что? Это сокращение, от слова «дедушка»: быстро и удобно произносится, да и Дешка не против, – не унимался сын, – правда, Дешк.

– Правда, правда, – ответил довольный дед, – давай соберайся поживее, а то, если нам ехать, то уже пора отправляться в путь.

Саня быстро собрался, мать приготовила ему вещи, он положил их в свою походную сумку, и они с дедом, в сопровождении матери, вышли на улицу.

На улице уже смеркалось, солнце только что зашло за горизонт, о чем напоминала темно – красная полоска горизонта, да розовые с багрянцем облака, проплывающие по небу.

Жара спала, но ещё было душно. Легкий ветерок трепал листву на деревьях и разгонял остаток дневного зноя.

– Ну, куда вы поедете, – недовольным голосом проговорила Наталья Петровна, – на дворе уже ночь. Идите в дом, переночуете, а завтра с утра и отправитесь в дорогу.

– Ничего, – возразил Саня, – мы быстро доберёмся.

– Да и по холодку сподручнее, – поддержал его дед.

– Ну, как знаете, – всё ещё сердясь, что её не послушали, сказала Наталья Петровна.

Дед с внуком сели в издавшую виды, уже старенькую, но ещё бодро бегающую машину, копейку, как ласково называл её дед. Дед включил зажигание, завёл мотор, выжал сцепление, переключил скорость, и машина плавно тронулась в путь.

Наталья Петровна проводила их усталым взглядом и вошла в дом.

Глава девятая

Подойдя к двери квартиры, Наталья Петровна услышала телефонный звонок, но пока открывала замок, пока подбежала к телефону, звонки прекратились.

Она постояла некоторое время у телефонного аппарата, но звонки не повторились.

Она огорчённо отошла от телефона и пошла на кухню.

Но через некоторое время, телефон зазвонил снова. Наталья Петровна быстро бросилась к телефону.

– Алло, – сказала она, подняв трубку.

– Здравствуй любимая, – послышался в телефонной трубке нежный голос Виктора Васильева, – где ты была? Почему не берёшь телефонную трубку?

– Сына с отцом провожала в дорогу, – ответила Наталья Петровна и её сердце, радостно забилося.

– Куда ж они направились?

– Отец забрал Саню в деревню.

– Надолго?

– Не знаю, на пару недель, пока не надоест Саньке в деревне.

– Так, ты что, дома одна осталась?

– Одна, если хочешь, приходи.

– Непременно, через час, я буду у тебя, – ответил Виктор

Васильев и повесил телефонную трубку.

У Натальи Петровны беспокойно сжалось сердце.

Наконец встретила мужчину своей мечты: Виктор Васильев подходил по всем параметрам требований.

Он был нежным, внимательным, обходительным, в меру красив, а в постели был страстным и пылким любовником, о котором можно было лишь мечтать, имел деньги, не был жадиной, но и не был мотом.

Частенько, лёжа в его квартире, в постели, в объятьях, закрыв глаза, Наталья Петровна не могла поверить, что всё это происходит с ней, что это не сон, удивляясь; за что привалило такое счастье.

Она боялась, что вот сейчас проснётся, откроет глаза и всё улетучится, всё пропадет как легкое виденье.

Она тревожно открывала глаза, но ничто не исчезало, ничто не пропадало, и ничего, никуда не девалось. Васильев был рядом: мил, ласков, обходителен и предупредителен; как всегда.

Единственное, что омрачало полное счастье Натальи Петровы, так это, то, что сын, её кровинушка, был категорически против встреч с Васильевым.

Саня наотрез отказывался слышать имя Васильева, сына

приводило в бешенство, когда она встречалась с Васильевым, его коробило, что Васильев прикасался к ней, делал подарки, оказывал какие – нибудь знаки внимания.

Саня органически не переваривал Васильева, и все доводы были тщетны.

Сын не мог, а может, и не хотел, понять, что ей нужен мужчина, что она не может быть только с сыном, что ей требуется внимание, поддержка, опора, ласки исходящие не только от ребёнка, которого она родила и воспитала, но и от взрослого мужчины.

Вот и недавно, Санька устроил скандал, когда случайно узнал, что опять встречалась с Васильевым, а новость, что, возможно, выйдет замуж за Васильева, привела сына в бешенство. Что делать, как поступить, каким образом помирить сына с Васильевым она не знала.

Это угнетало, мучило и не давало покою, даже в объятиях Васильева.

Она боялась потерять Васильева, но и сына огорчать не хотелось.

Её чувства метались между этими двумя, очень дорогими и любимыми мужчинами; мысли все были заняты ими, но она не знала, как быть, как выпутаться из этой, казалось безвыходной ситуации.

Её грустные мысли прервал звонок в дверь.

– А вот и я, – улыбаясь, сказал Васильев, когда Наталья Петровна открыла входную дверь.

Васильев держал большой полиэтиленовый пакет, полностью набитый снедью.

– Ну, зачем ты тратился, – сказала Наталья Петровна, – у нас всё есть.

– А вот и не всё, – ответил Васильев, целуя в губы, – я думаю у тебя заночевать, а перед сном надо бы подкрепиться. Ты не возражаешь?

– Не возражаю, – ответила довольно улыбающаяся Наталья Петровна, беря из рук Васильева пакет, – проходи в комнату, я сейчас соберу на стол.

– Давай я тебе помогу.

– Давай, – согласилась Наталья Петровна.

Они вдвоем быстро накрыли на стол в её комнате, поставили свечи.

Наталья Петровна зажгла свечи, выключила свет, затем включила негромкую музыку.

Они сели за стол напротив друг друга. Васильев взял со стола принесённую бутылку красного, креплённого виноградного вина, откупорил её и слегка наполнил бокалы.

– За что будем пить? – спросила Наталья Петровна.

Васильев поднял бокал с вином и уподобляясь жителям Кавказа, и перенимая их интонацию в голосе, а так же любовь к длинным тостам во время застолья; ведь, употребление спиртных напитков, без тоста, это – пьянка, а те же действия, но после хорошего тоста, это – праздник, сказал:

– Я хочу поднять этот бокал искрящегося вина, за эту прекрасную, очаровательную женщину: бриллиант моей души, рубин моего сердца. За её солнцеподобную улыбку, её яхонтовые губки и жемчужные зубки. За её лебединую шейку и царственный стан. За все её прелести, которые околдовали, очаровали и пленили меня. В общем, за тебя, моя любовь!

Они выпили, закусили, потом ещё раз выпили.

– Наташ, – начал Васильев, после того, как они немного поели, – мы уже достаточно давно живём как муж и жена. У нас с тобой нет: ни у тебя официального мужа, ни у меня официальной жены. Нам хорошо вместе и мне кажется, мы удовлетворяем друг друга, не только как партнёры по сек-

су, но и как друзья. По – моему, мы подходим друг другу. Так почему бы, нам на законных основаниях, официально не оформить наши отношения, что бы быть всё время вместе, а не прятаться по углам?

– Так, ты что, официально просишь моей руки и предлагаешь мне выйти за тебя замуж? – подрагивающим от волнения голосом спросила Наталья Петровна.

– Да, считай, что так и я бы хотел сделать это как можно быстрее.

У Натальи Петровны перехватило дыхание, ёкнуло сердце и похолодело в душе: то о чём мечтала, так долго в тайне ждала, свершается.

Но как быть с сыном? Как поступить в этом случае? Как рассказать Васильеву, что сын ненавидит его? Что произойдёт, если она примет это предложение? А что будет, если откажет?

От всего этого в душе Натальи Петровны поднялась буря от противоречивых чувств, переживаний и желаний.

– Чего молчишь, – вывел её из оцепенения голос Васильева, – или не хочешь выходить за меня замуж?

– Хочу, – робко ответила Наталья Петровна.

И тут, прочитав в глазах печаль, тревогу и неподдельное

участие в её судьбе, выплеснула все страхи и переживания.

Она рассказала про сына, про все страхи и сомнения, про свои заботы и печали.

Васильев пытался утешить, успокоить, говорил, что со временем всё наладится и образуется, пытался подбодрить, но у него это плохо получалось.

– Давай, подождём хотя бы до зимы, – предложила Наталья Петровна.

– Зачем до зимы?

– Может Санька тогда повзрослеет.

– Ты думаешь?

– Да, когда ж он станет старше, то поймет нас с тобой.

– Хорошо, давай, – с большой неохотой согласился Васильев, расстроенный таким поворотом дела, – как скажешь.

– Ну не расстраивайся, – встав из – за стола и подойдя к сидящему за столом, на стуле Васильеву, сказала Наталья Петровна, – ты же знаешь, что я тебя тоже люблю. Ты и Санька, вы для меня очень дороги и я не могу без вас жить. Мне очень хочется, что бы между вами был мир и согласие. Ну, потерпи немного, мой дорогой. Я же всё равно остаюсь только твоей, и буду принадлежать всю оставшуюся жизнь только тебе и душой, и телом, даже смерть не сможет нас разлучить.

Она обхватила голову Васильева своими ладонями и нежно прожала к животу.

Васильев уткнулся носом в живот, и затих, обхватив её талию руками. Ему было тяжело и больно слышать всё это, но он ничего не мог сделать.

Разумом он понимал всю правоту Натальи, но сердце не желало мириться с этим, оно не принимало никаких оправданий. Ему было горько, что не удалось сразу найти подхода к Санькиной душе, что не протоптал тропинку к сердцу ребёнка и вот, теперь это выходило боком.

Возможно, такая агрессия со стороны парня началась с того дня, когда Васильев впервые позвонил Наталье, а трубку взял сын:

– Алё, – сказал он.

Васильев в суматохе забыл, кто у Натальи мальчик, или девочка и как зовут ребёнка, а по звуку детского голоса трудно определить, кто говорит.

Васильев сказал наобум:

– Девочка, позови маму.

– Я не девочка, – раздался сердитый детский голос, – а мамы нет дома.

После этого ребёнок сразу положил телефонную трубку.

Вот с тех пор, возможно и пробежала чёрная кошка, между Васильевым и сыном Натальи.

Хотя, возможно, причина враждебных действий кроилась в чём – то другом.

Васильев этого не знал, но было горько и больно осознавать, что не может жениться на Натальи из – за ненависти сына.

Так они пробыли некоторое время, пока Васильев не успокоился и не пришёл в себя. Он поднялся, нежно обнял Наталью Петровну и ласково поцеловал в губы:

– Ничего, дорогая, – сказал он, – всё образуется, и мы всё равно, будем вместе и да же смерть, не сможет нас разлучить. А сейчас, может быть ты и права, давай оставим всё так, как есть.

От близости тела, у Васильева снова возникло страстное желание обладать ею полностью, без остатка. В горле пересохло, сердце учащенно забилося, а по телу пробежала дрожь, от с великим трудом сдерживаемого желания:

– Я хочу тебя, – судорожно сглотнув слюну, хрипло сказал

Васильев.

Его руки скользнули вниз и одним рывком сняли сарафан. Под сарафаном ничего не было, и она стояла полностью обнаженной, как юная, прекрасная красавица, сошедшая с полотен живописцев эпохи возрождения.

Её две очаровательные грудки, по – девичьи задорно торчали, призывно зовя к себе, и как бы смеялись над нерешительностью.

Он в восхищении окинул быстрым взглядом её фигуру и захотел обладать ещё сильнее.

Лихорадочно сбросил всю одежду, не переставая любоваться прекрасным, обнаженным телом, Васильев привлёк Наталью Петровну к себе снова, начав целовать и ласкать лицо, шею, грудь.

Она не противилась и не сопротивлялась, но ещё не отошла от разговора и была вся напряжена, скована и подавлена.

Постепенно, ласки успокоили её и пробудили взаимное желание и вскоре они легли в постель, уже обоюдно лаская и целуя, друг друга.

Через некоторое время, они слились в едином оргазме, и в изнеможении затихли от переполнявшего счастья.

После этого, они ещё несколько раз возобновляли свои любовные игры и в конец концов утомленные, но довольные и счастливые погрузились в сон.

Сон утихомирил переживания, даря новый прилив сил измученным душам и телам.

Натали сон навивал счастливые мечты о дальнейшей совместной жизни друг с другом.

Как они весело будут жить с Виктором, с Саней, а может, еще с несколькими их детьми, от совместного брака.

Ведь Наталья ещё совсем не старая женщина и может подарить Виктору ещё и не одного ребёнка. Виктор же, по все-му видно, любит детей и будет явно счастлив, иметь от неё, ещё несколько мальчиков и девочек.

Виктору снились разъяренные собаки, которые кусали и терзали его в собственном доме, но вот по стене и углу дома пошли глубокие трещины, стена рухнула, придавив его и забрызгав кровью всё вокруг.

От этого кошмарного сна он проснулся весь в поту, но увидев счастливо улыбающуюся во сне Наташу, спящую на его плече, Виктор успокоился и снова заснул тяжелым, тревожным сном.

Глава десятая

В большое село, где жил дед, приехали поздно ночью.

Мать была права, зря поехали, на ночь глядя. А тут ещё по дороге камеру чем – то пробило: пока возились, снимая колесо, пока ставили запаску, прошла уйма времени.

Солнце давно село за горизонт и к дому деда, они подъехали при свете фар и луны.

Зато, с каким наслаждением, Саня растянулся на кровати в дедовом доме, после приезда и ночного ужина.

Он с детства любил эту кровать, этот запах, слегка влажного белья, и неповторимый, специфический запах старинного деревянного дома, от которого веяло негой и блаженством, где становилось спокойно и уютно на душе, а заботы сразу, куда – то улетучивались, мгновенно испаряясь, принося мир и покой всему организму.

От всего этого, такого дорогого, родного и знакомого с детства, Саня быстро заснул, едва прикоснувшись головой к подушке.

Утром Саня проснулся хорошо отдохнувшим, радостным от мысли, что снова приехал к деду, от предвкушения многих интересных дел, ожидаемых здесь. Саня вышел во двор.

Безоблачное, голубовато – белёсое небо вовсю было озарено ярким светом.

Летнее солнце хозяйничало на улице, согревая и радуя природу. Ещё не было жарко, но солнце уже начало припекать, явно было видно, что время движется к полудню.

Дедовы куры деловито искали зёрна, разгребая когтистыми лапами землю.

Петух сердито следил за порядком, со строгим видом прохаживаясь по двору, вдоль забота.

Квочка вывела свой выводок цыплят: они пищали, сустились, толкали друг друга, но шли за ней, на зов. Вот она нашла разбросанные зернышки пшена и стала призывно звать птенцов; цыплята, помедлив, ринулись на перегонки, толкаясь и мешая друг другу, стараясь первыми склевать вкусную пищу.

Саня с удовольствием, ещё некоторое время, понаблюдал за жизнью подворья и пошёл умываться.

После умывания и завтрака, Саня отправился в малинник, полакомиться спелыми ягодами, начавшей созревать, малины.

В этом году, ягод было много, и Саня с наслаждением срывал спелые, сочные ягоды, отправляя в рот.

Малина была разных сортов и от этого, ягоды были разного размера, цвета и вкуса: то кисловато – сладкие, то противные, до противоположного; то не очень сладкие.

Саня с превеликим удовольствием клал в рот то по одной ягодке, то по несколько сразу, то набирал в ладонь и горстью отправлял в рот, с наслаждением пережевывая.

Скоро по рукам стал течь малиновый сок, но Саня не прекращал занятия.

Он облизывал липкие, сладкие, красные ручейки и продолжал лакомиться с неугасающим энтузиазмом.

Увлёкшись, Саня никак не мог оторваться. Да ему и не очень хотелось.

– Привет Клим, – раздался голос из – за штакетника, – ты, когда приехал?

– Привет Лёха, – обернувшись на голос, ответил Саня, – сегодня ночью.

– Вот, здорово, – весело выпалил Лёха, – будем вместе гулять.

Лёшка, по прозвищу Лёха, был местным, соседским пареньком на год младше Сани.

Всегда, когда Саня приезжал в деревню, они играли в различные игры, лазили по кустам и деревьям, бегали на пруд,

помогали взрослым по хозяйству.

Вот и сегодня, Лёха вёз по деревенской улице небольшую тележку, но увидев приехавшего Саню, подошел к штакетнику, и очень обрадовался встрече, он тоже любил играть с Саней.

– Хочешь малины, – предложил Саня, – иди сюда.

– Не а, – ответил Лёха, – она мне дома надоела.

– Куда ты собрался?

– Я иду косить траву для кролей.

– Вот здорово! А их у Вас много?

– Много! Айда со мной.

– Айда, – согласился Саня.

Саня перемахнул через штакетник, приятели вышли на улицу и зашагали по дороге, везя тележку для скошенной травы. Дорога шла через край села и уходила в поле.

Но вот они набрели на лужайку не скошенного пырея, овсяга, метлика, вперемешку с другими луговыми злаками.

Лёха стал косить плавно и аккуратно, не оставляя ни одной былинки нескошенной травы. Трава ложилась ровными рядами, как будто бы стремилась побыстрее попасть на стол кроликам.

Саня смотрел на работу друга с неподдельным интересом. Лёха косил с таким самозабвением и с таким азартом, что

Сане захотелось покосить немного.

- Дай мне попробовать, – попросил он.
- Возьми, – ответил Лёха и протянул косу.

Саня с наслаждением принялся косить траву, но так аккуратно и красиво у него не получалось.

Его учил косить дед ещё несколько лет назад, но от редкого занятия этим делом, коса то врезалась в землю, то лишь приминала траву, не срезая её.

С грехом пополам удалось всё же закончить работу.

– Всему нужна сноровка, старанье и тренировка, – философски заметил Лёха.

– Это точно! – устало проговорил Саня, стирая выступивший пот со лба.

Ребята быстро нагрузили тележку свежескошенной травой и отправились в обратный путь.

Вернувшись домой, Лёха пошёл раздавать корм кроликам, а Саня отправился на дедову пасеку.

На пасеке стояло всего три улья и «пасекой» это место можно было назвать лишь условно, но Саня любил бывать здесь.

Ему нравилось смотреть как пчелы, нагруженные нектаром

и пылью, как тяжелые бомбардировщики, с глухим жужжанием, устало опускались на леток улья. Сразу видно, что пролетели большое расстояние и, получив взятку с множества цветов, теперь несли домой, в улей.

Около летка останавливались и, толкая друг друга, по очереди проползали внутрь улья. Но вот к летку подлетел трутень и попытался проникнуть внутрь. Тут же несколько сторожевых пчёл взяли его за лапки и крылья, и выдворили во-свояси.

Трутень сопротивлялся, карабкался назад, но сторожевые пчёлы не давали ему дороги, и успокоились лишь тогда, когда он улетел прочь.

Саня даже удивился: как ладно, и чётко у них всё это получалось.

Ещё Сане нравилось смотреть, как дед открывает крышку улья и достаёт оттуда рамки с сотами полностью забитыми мёдом.

Обычно соты пчёлами запечатаны воском, тогда дед берёт нож и срезает воск, а из сот начинает сочиться густой, янтарный, пахучий мёд.

Вот и сейчас, дед был занят пчелами.

Он надел на голову специальную шляпу с сеткой, окурив дымом один из ульев и открыл крышку, вынимая поочередно

рамки одну за другой.

Пчёлы зло жужжали, выражая недовольство тем, что потревожили. Некоторые пытались ужалить деда в лицо, но сетка не давала сделать это.

В одном из ульев пчёлы вывели молодую матку, а старая, ещё хорошо работала, вот дед и пытался удалить одну из них.

Дед не хотел, образования нового роя, который мог бы улететь куда-нибудь за молодой маткой, а потом ищи, свищи, да лови по всей округе. Но вот дед, изловчился, поймал одну из пчёл, которая была крупнее всех остальных, и удалил из улья.

Закончив с этим занятием, дед достал рамку с сотами полными мёдом и отдал Сане. Саня сбегал в дом, взял тарелку и нарезал соты с мёдом небольшими кусками, складывая на тарелку. Затем, вынес всё это на улицу и устроился около ульев.

– Шёл бы ты в дом, – озабоченно проговорил дед, – а то ведь, не ровён час, ужалит какая пчёлка.

– Не бойсь, дешк, – ответил Саня, – мы с ними друзья.

– Друзья то друзья, но смотри, что б потом не пожалеть, – проворчал дед и продолжил заниматься своим делом.

Саня больше не стал слушать деда, а с огромным наслаждением начал жевать соты со свежим, желтовато – янтар-

ным мёдом.

Мёд стекал по губам тонкой, липкой струйкой к подбородку.

Внук едва успевал ловить языком этот приторно-сладкий ручеек и с большим проворством, на которое он только был способен, отправлял капли мёда в рот.

Но вдруг: одна, другая, третья пчёлы угрожающе жужжа, подлетели к Сане и стали кружиться над ним. Казалось, они сильно огорчены и разгневаны таким беспардонным обращением парня с плодами каторжной работы и готовы напасть, для защиты богатства, собранного колоссальным трудом.

Саня попытался рукой отогнать их, но не тут-то было: пчелы яростно бросились в атаку. Вот одна ужалила в щёку, другая – в бровь, а третья, запутавшись в волосах, больно ужалила в лоб.

От такого неожиданного натиска, Саня убежал в дом и больше не стал выходить на улицу.

В комнате вытащил из волос ещё живую, но уже умирающую пчелу и отпустил.

Она уже не могла лететь, а лишь с великим трудом медленно ползла по столу, волоча жало с куском оторванных внутренностей. К вечеру, вся правая сторона лица покры-

лась сплошным волдырем, правый глаз совсем не открывался, а левый глаз слегка открывался, но для этого надо было приложить большое старание.

Санино состояние было отвратительным и в душе, уже тысячу раз проклинал себя за то, что не послушал деда.

Но молодой, растущий организм брал верх над недугом, и вот уже, через несколько дней, опухоль спала, а ещё через некоторое время стал слегка открываться и правый глаз.

Так прошёл почти целый месяц.

Дед сдержал слово и как только Саня оправился от укусов пчёл, он начал учить внука управлять автомобилем.

Это оказалось не так уж сложно, и вот он уже самостоятельно рассекает просторы окрестностей села, наводя переполох и сумятицу в стайки кур, гусей и уток.

Со временем, освоившись, Саня стал ездить и в соседние сёла, и посёлки; такие поездки ему всё больше и больше нравились.

Однажды он договорился с Лёхой съездить на рыбалку на дальние пруды на веломашинах, как называл велосипеды дед.

Только забрезжил рассвет, а Саня был уже на ногах. Он собрал снасти, ещё вчера вечером накопанных червей, взял вчера же сваренный горох и немного хлеба. Затем зашёл

за приятелем, и они на велосипедах отправились на рыбалку.

Ещё было пасмурно от раннего утра, первые лучи солнца лишь слегка позолотили облака, придавая, пленительное очарование и с огромным трудом рассеивали ночной мрак, всюду на траве лежала обильная роса, природа ещё нежилась в ночной прохладе и не хотела просыпаться.

Но вдруг, где – то в вышине запел, заливаясь, неустойчивый жаворонок, его зов подхватили другие птицы и вот, птичий хор разнесся по округе.

Всё живое постепенно просыпалось, радуясь первым лучам восходящего солнца, готовясь к новому летнему дню и приступая к неотложным ежедневным делам и заботам.

Приятели ехали по тропинке через поле ржи, а затем тропинка свернула в заросли кукурузного поля. Делать нечего, пришлось сворачивать в кукурузу.

Кукурузные стебли вымахали уже выше человеческого роста и очень влажные от утренней росы сильно хлестали приятелей по лицу, рукам, спине и ногам, а тропинка петляла между стеблями и уходила всё дальше и дальше. От такого холодного душа приятели быстро промокли до нитки, и замёрзли.

Но вот показалась прогалина, между стеблями кукурузы и через некоторое время ребята выехали на берег пруда, кое – где заросшего мелким кустарником.

Они отыскивали пологий участок берега невдалеке от воды, разделись, сбросив мокрую одежду, и повесили всё сушить на прибрежные кусты ракиты.

Затем стали бегать вдоль берега, чтобы согреться.

Быстрые движения очень скоро согрели ребят, и они приступили к рыбной ловле.

Санька со своими снастями остался около кустов, где сохла одежда, а Лёха пошел на другую сторону пруда: там кустов почти совсем не было, и он любил здесь бросать донку, надеясь поймать большущую рыбину.

Санька наживил крючок удилища червяком, забросил далеко в воду и стал ждать, воткнув конец удилища в глинистый берег у самой кромки воды.

Лучи солнца ещё сильнее окрасили небо в нежные розоватые цвета и вот – вот само солнце должно выглянуть из – за горизонта.

Лёгкое дуновение тёплого, летнего ветерка мягко покачивало поплавок, и Саня с упоением предался неге и созерцанию раннего, летнего утра.

Но вдруг, поплавок начал дергаться, Саня бросился к удочке и медленно стал поднимать удилище.

– Подсекай, подсекай её, – закричал пожилой рыбак, удив-

ший рыбу поодаль и с большим интересом наблюдавший за Санькиными манипуляциями.

Санька изо всех своих сил рванул удилище вверх, из воды высунулась огромная голова зеркального карпа, но потом карп, сделав сальто в воздухе, перевернулся на спину и окатив окрестности снопом брызг, ушёл под воду.

– Эх, Блин, сорвалась!!! – в сердцах выругался Саня.

– Ты обошёл с ней слишком по – интеллигентски, – отметил тот же рыбак.

Саня недовольно начал наживлять всё заново.

Не успел Саня всё повторить и воткнуть конец удилища в глинистый берег, как его позвал Лёха с противоположного берега.

Саня обошел пруд по берегу и подошёл к приятелю.

В руках у Лёхи ещё трепыхался большой зеркальный карп, килограмм на два с половиной:

– Смотри, – сказал, хвастливо тот, – какого красавца я поймал.

– Да, – уныло ответил Саня, – а у меня сорвался.

– Ни дрейфь, – подбодрил его Лёха, – ещё поймаешь, вон солнце только – только всходит.

И действительно, огромный оранжево – красный диск только начал появляться из – за горизонта, окрашивая окрестности в мягкие, тёплые тона, придавая очаровательную прелесть этому летнему утру.

– Ладно, – согласился Саня, – пойду, посмотрю, что у меня там ловится.

Тем же путём Саня отправился к удочке.

Когда же он подошёл к своему месту, то удочки там не оказалось: в прибрежной глине остался лишь след от конца удилища. Саня удивлённо оглянулся по сторонам: нигде на берегу не было удочки.

Он взглянул на зеркальную поверхность пруда: лишь вдавке, колыхался на воде прутик, похожий на его удочку.

Саня вошёл в воду: вода была ещё холодной, но он всё равно решил добраться до этого «прутика».

Он осторожно подкрался к «прутику» и с удивлением обнаружил, что это, почему – то уплывшая, удочка.

Саня бережно потянул за конец удилища: вначале удилище, сопротивлялось этому, как будто кто – то, на том конце, не пускал, но затем, это сопротивление исчезло.

Он свободно вытащил удилище на берег, правда, уже без червячка на голом крючке.

– Опять, наверно сорвалась, – огорчённо подумал он.

Саня с Лёхой ещё порыбачили несколько часов, но больше удача не посещала, и они ничего не поймали.

Тогда приятели свернули свои снасти, положили пойманную рыбу в ведёрко с водой, поставив в тень под кустом. Сами же решили немного искупаться и позагорать.

Вволю накупавшись и позагорав, ребята проголодались и тут вспомнили о пойманной рыбе, которая ещё жила в ведре.

– Давай запечем рыбу на костре, – предложил Лёха.

– А как? – удивился Саня.

– Щас увидишь, – ответил Лёха, – давай таскай хворост, сухих веток и всё, что может гореть.

Саня стал носить сухие ветки, сухие коряги, где – то нашёл и приволок ствол тонкого засохшего дерева.

Лёха, тем временем, вдали от берега, на лужайке, выкопал небольшую ямку, выпотрошил пойманную рыбу, посолил, с берега отковырял немного глины и смазал мокрой глиной всю рыбу. После этого, положил рыбу в глине в выкопанную ямку и засыпал землёй.

На этом месте Лёха развёл совсем маленький костёр, всё время, поддерживая горение, подбрасывал в огонь, запасён-

ный сушняк.

Саня с большим интересом и огромным вниманием помогал приятелю в кулинарных начинаниях.

После того, как все угли прогорели и почти совсем остыли, Лёха разгреб угли и землю, и достал запечённую в глине рыбу. От жара костра глина сильно запеклась и приятелям, с большим трудом, удалось разбить твёрдый глиняный панцирь, окутавший всю рыбу.

Рыба получилась на редкость вкусная и сочная.

Запах готового мяса, приятно щекотал ноздри и настойчиво манил отведать полученное угощение.

Ребята быстро её съели, с наслаждением обсасывая каждый плавничок и косточку.

Разделавшись с рыбой и закопав кости в ямку от костра, ребята пошли снова плавать и загорать.

Они плавали, ныряли, резвились, до самого вечера, и лишь только когда солнце уже склонилось к самому закату, а небосклон с проплывающими облаками окрасился в кроваво – красный цвет, они вспомнили, что надо возвращаться домой, где их явно давно уже ждут.

Приятели быстро собрали свои вещи, оделись в уже давно высохшую одежду, сели на велосипеды и поехали домой.

Дорога домой им показалась значительно короче, чем это было ранним утром, и они быстро, без лишних приключений, добрались до села и разбрелись по домам; договорившись, что встретятся часов в десять вечера у сельского клуба, и пойдут на дискотеку. Лёха будет со своей девчонкой, а та, может быть, найдёт кого-нибудь, для Сани, что б тот не скучал.

Дома Сане, конечно, досталось за то, что где — то таскался весь день, и не удосужился придти хотя бы раз домой и пообедать.

Но затем гнев сменили на милость, Саня поужинал, а заодно и пообедал, и сытый, и довольный, умылся, переоделся и пошёл в сельский клуб на дискотеку.

Глава одиннадцатая

Инна не ожидала от Сани такой прыти. В тот день, он всё же поставил на нежных, ещё не привыкшим к мужским поцелуям губах, засосы. Ей пришлось срочно мазать губы губной помадой, чтобы ни кто не заметил синих губ.

Инна надеялась, что он подойдёт на следующий день, и она, возможно, позволит продолжить за собой ухаживать.

Позволит целовать, но очень нежно, без засосов; возможно, позволит ласкать, а там уж видно будет, что будет дальше.

Если же будет нежен, то, возможно, и позволит сделать то, что хотел сделать там, на полянке.

Но Саньки нигде не было видно, вместо того, чтобы продолжить ухаживать, вздыхать и бегать за ней, в тот же вечер укатил в деревню.

– Ну и пусть, – зло решила Инна, – ещё посмотрим, кто из нас больше пожалеет.

Она ещё с неделю «дулась» на Саню, а затем немного по-утихла.

Как – то однажды, во второй половине дня, Инна вышла на улицу, села на лавочку, около дома, подняла голову, подставив лицо ласковым лучам солнца, закрыла глаза, решив

немного позагорать.

Она долго нежилась под солнцем, соображая, куда б пойти и чем заняться, как из этого томного состояния души, вывел голос Ломова Сергея, друга Сани.

– Инн, – спросил он, – ты Клима, то есть Саньку, не видала?

– Он уже больше недели, как со своим дедом в деревню укатил, – ответила Инна, чуть подумав.

– Жаль, – с досадой сказал Сергей.

– А что случилось, – поинтересовалась Инна, вставая с лавочки.

– Да у Игоря Порядочного день рождения, хотели отметить на природе. Кстати, не хочешь с нами поддержать компанию? – спросил ради приличия Сергей, – там и Игоря Галка будет.

– Конечно, – обрадовано ответила Инна, решив, назло Саньки, пойти с Сергеем, – ведь всё равно делать нечего.

– Ну, так пошли побыстрее, – предложил Сергей, – мне ещё, по просьбе Игоря, надо заскочить в магазин и купить кое – что.

Сергей повернулся и пошёл, а Инна последовала следом.

Они зашли в магазин, где Сергей купил различной провизии и газированной воды. Из магазина вышли на окраину города, и пошли к лесу, виднеющемуся невдалеке.

Около леса поджидал друг Сергея – Игорь, и ещё какой – то паренёк.

– Это Генка, он одноклассник Игоря, – представил Сергей Инне этого паренька, – а Игоря ты знаешь.

– А где твоя Галка? – спросил Сергей уже у Игоря.

– Она не подойдёт, предки не пустили, – ответил раздосадованный Игорь, – но ты, Серый, молодец, что прихватил с собой Инну, всё будет какое – то женское разбавление нашей мужской компании.

– Так может, и я не пойду, – сказала Инна, в каком – то неясном предчувствии чего – то плохого, – что я буду с вами одна там делать?

– Не бойся, – ответил Игорь, – с нами будет весело, или твой Клим не разрешает с другими пацанами встречаться? – ехидно стал дразнить Игорь и многозначительно подмигнул ребятам, чтоб Инна не видела.

– А вот и разрешает, – сердито ответила Инна, задетая за живое замечанием Игоря.

– Вот назло Саньке и пойду с ними, – про себя решила Инна, а ребятам ответила:

– Конечно, не хочется идти с вами без Галки, но фиг с вами, пошли.

Компания гурьбой направилась по тропинке вглубь леса: тропинка петляла между стволами лип, осин, молодых дуб-

ков; но вот вывернула к молоденькому ельнику, и побежала, тонкой змейкой, по осыпавшейся хвое, вдоль ёлочек.

Через некоторое время открылась небольшая полянка, и они решили расположиться здесь.

Ребята достали заранее заготовленную провизию, расстелили на хвое принесённую старую подстилку и стали сервировать импровизированный стол.

Инна с головой окунулась в создание праздничного стола, помогая и одновременно, руководя ребятами.

Когда всё было готово, Игорь, на правах именинника, налил всем по половине одноразового пластмассового стакана, какое – то креплёное вино и предложил выпить за день рождения.

Все дружно поддержали и выпили.

Инна не любила пить вино, а тем более, креплёное, но ребята уговорили, и она отпила чуть – чуть, но все ребята зашумели, и загалдели:

– Ты что, не уважаешь нашего кореша! Ты брезгуешь компанией!....

– Давай, давай, привыкай, – поддержал всех пацанов Игорь, – пей до дна. Первый тост не оставляют не выпитым.

Инна подчинилась и выпила до дна. Горло сильно обо-

жгло, она закашлялась.

Ребята, участливо подали воды и протянули заесть кусок хлеба с колбасой.

Она сделала несколько глотков воды, заела хлебом с колбасой, стало немного легче. По телу пробежала волна тепла, голова слегка закружилась, но было весело.

– Ну вот, – отметил Игорь, – а ты боялась, даже платье не помялось. Всё ведь хорошо, правда?

– Правда, – подтвердила Инна, хотя голова продолжала кружиться и было не очень хорошо.

– После первой и второй промежутки небольшой, – игриво пробасил Игорь и налил всем ещё вина.

– Игорь, – взмолилась Инна, – зачем так часто?

– Так надо, – ответил Игорь, – для закрепления полученного результата.

– Ты что, хочешь всех spoить? – продолжала удивляться Инна.

– Нет, но если долго пробыть без закрепления первой рюмки, весь хмель уйдёт и никакого кайфа не будет, – стал подводить научную базу к своим словам Игорь.

Все выпили и закусили.

Инна выпила со всеми и почувствовала, что вторая порция вина пошла значительно лучше первой, но голова стала ещё сильнее кружиться.

- Ну, как, – поинтересовался Сергей, – вторая уже лучше?
- Да, – ответила Инна, – хотя всё равно это гадость.
- Хоть это имеем, – отозвался Игорь, – и то хорошо.

Они ещё несколько раз выпили и закусили. Но тут Сергей переглянулся с Игорем, Игорь подмигнул ему и вдруг Сергей сказал:

- Пацаны, здесь недалеко я знаю отличный пруд, айда искупаемся!
- А я купальник забыла взять, – ответила Инна.
- Да и мне не охота что – то, – добавил Игорь.
- Ну, тогда мы с Генкой сбегает, – предложил Сергей, – мы быстро: туда и обратно. Там искупаемся и назад.

Сергей с Генкой прихватили, полотенце, сумку с фотоаппаратом, и пошли через поляну, вскоре скрывшись в кустах.

- Ты телеобъектив не забыл? – спросил Сергей у Генки, как только они скрылись из виду, – а то, может не получится хорошо.
- Не дрейфь, – ответил Генка, – всё будет тип – топ.

Они нашли в кустарнике укромное место, откуда хорошо просматривалась полянка с Игорем и Инной, из сумки Генка

достал фотоаппарат, вкрутил телеобъектив, и пацаны начали ждать.

Тем временем Игорь снял с себя рубашку, проговорив:

– Ох уж, и жарища сегодня, хоть и день уже клонится к вечеру. Не хочешь немного позагорать?

– Я ж купальник не взяла, – ответила Инна.

– А ты так позагорай, или боишься меня, – стал поддразнивать Игорь, – или слабо.

– Да нет, просто не хочется, – ответили Инна, хотя была и не прочь показать Игорю молодое, слегка загоревшее, красивое, юное тело.

Инне самой, её тело нравилось: русые волосы, эти правильные черты лица, длинная, хоть и не лебединая шея; округлые, слегка припухлые, недавно начавшие развиваться грудки с зазывно торчащими вперёд сосочками, ещё не изведавших настоящих мужских ласк; крутые бёдра, да плоский живот.

Всё это говорило, что она уже почти сформировалась, как женщина, и готова принимать ласки и любовь мужчин.

Природная скромность останавливала от поспешных действий, и хотя алкоголь, и туманил сознание, заглушая девичий стыд, но она решила пока не обнажаться перед Игорем.

Хотя, знала его давно, так как учились в одной школе, и совершенно не стеснялась.

– Так мы с тобой, – предложил Игорь, – давай в картишки перекинемся.

Они сыграли пару конов в «дурочка» и Игорь дважды проиграл.

– Не, – сказал он, – без интереса не тот кайф в игре, да и я всё время остаюсь. Давай под интерес, – предложил он.

– А какой? – поинтересовалась Инна, – ведь денег я с собой не взяла.

– Тогда, давай на раздевание, – ответил Игорь, – если я проигрываю, то снимаю с себя какой – ни будь предмет одежды, а если ты, то ты снимаешь с себя.

– Ишь ты, какой хитрый, – возразила Инна, но хмель и азарт уже подавили логическое мышление и рассудок, и она, после длительных уговоров и некоторого колебания, согласилась.

Игорь раздал карты и после некоторого времени игры, Инна снова выиграла. Игорь снял с себя брюки, притворно ворча:

– Совсем не везёт мне сегодня в игре. Ты меня так и без

трусов оставишь.

– Так давай прекратим игру, – ответила она, но хмель и усилившийся азарт заставили, миролюбиво, добавить, – но ты ещё можешь отыграться.

Игорь снова раздал карты, но на этот раз проиграла Инна.

– Что ж, – насмешливо глядя сказал он, – теперь твоя очередь раздеваться.

Инна насупилась и хотела уже отказаться, но уговор дороже денег, да и в Игоревых глазах выглядеть трепачкой, совсем не хотелось.

Тогда она пошла на хитрость: отвернулась от Игоря, приподняла подол платья и сняла трусики, показав их Игорю, в знак выполнения условия договора.

– Вот это молодчина, – сказал Игорь, – это надо отметить и выпить.

Он налил Инне и себе вина, и они выпили; продолжив игру в «дурочка». Но удача отвернулась от Инны и она снова проиграла.

Только что выпитое вино придало смелость, и она не колеблясь, сняла платье, показав всю манящую девичью наготу Игорю.

– Теперь ты совсем молодец, – похвалил Игорь и налил ей и себе вина, – ты очень красива и привлекательна, особенно обнаженная. Многие пацаны дорого отдали бы, чтоб провести с тобой ночь в постели. Наверно твой Клим давно тебя уже сделал женщиной?

– С чего ты взял? – удивилась Инна, – я ещё девственница.

– Тем лучше, – непонятно почему, сказал Игорь и предложил, – Давай теперь, выпьем с тобой, на брудершафт.

– Это как? – удивленно спросила ничего не подозревающая, но сильно охмелевшая и заинтригованная Инна.

– Ты разве не знаешь? – удивился Игорь.

Нет, – честно призналась Инна.

Сейчас я тебе покажу, – сказал Игорь.

Он взял в руку стакан с вином и поднёс к Инниной руке с наполненным стаканом, скрестив руки таким образом, что стакан Игоря оказался перед его лицом, а стакан Инны – перед её.

– А теперь, – сказал Игорь, – пей всё до самого дна.

Они выпили полностью вино до дна, и Игорь нежно, лишь слегка касаясь, поцеловал Инну в губы.

От такого неожиданного и нежного поцелуя, губы Инны ответили губам Игоря тем же.

Ей понравилась нежность, и в тоже время, уверенная мужская сила Игоря, в отличие от бурного натиска совсем неопытного Саньки.

Голова ещё сильнее закружилась и она закрыла глаза, чтобы получить больше удовольствия от этих поцелуев.

Она не стала противиться, когда губы Игоря скользнули по подбородку и стали целовать шею.

Затем он легко и аккуратно, с огромной нежностью, положил её навзничь на платье, не переставая целовать шею и плечи.

После этого, он стал нежно и мягко массировать языком напрягшиеся от возбуждения и ожидания ласки, соски груди, а одной рукой осторожно, чуть касаясь, стал гладить живот и бедра.

Инна уже догадалась, что будет дальше, но не стала сопротивляться, в затуманенном алкоголем и нежными ласками мозгу, блеснуло лишь сожаление, что первым мужчиной будет не Санька – Клим.

Но она быстро отогнала эту мысль. Она решила, что какая в прочем разница, кто первым сделает женщиной, кто первым станет её мужчиной.

Главное, по её мнению, чтобы это произошло и чем быстрее, тем лучше. Как будто боялась, что никто не позарится на неё и придётся целый век куковать старой девой.

Её подруги уже давно потеряли невинность и всегда подтрунивали над её девственностью.

Инне, конечно, хотелось в первый раз отдаться Саньке, но раз уж так получилось, что его здесь рядом нет, то пусть первым мужчиной будет Игорь.

Её ещё смутно тревожила перспектива забеременеть, но алкоголь, а так же нежные и решительные ласки Игоря окончательно убрали все тревоги.

Последние сомнения, с легкостью утреннего предраассветного летнего тумана, улетучились из опьяненной головы и она, полностью отдалась во власть новым, неизведанным доселе ощущениям, чувствам и переживаниям, доставляющим большое наслаждение.

И тут она ощутила пронзительную боль внизу живота. От неожиданности, Инна даже вскрикнула.

Она слыхала от подруг об этом, но не думала, что будет так больно.

– Ну вот, – донёсся как – бы издалека голос Игоря, – теперь ты стала настоящей женщиной.

Инна немного полежала, закрыв глаза, слегка оглушенная и растерзанная всем происшедшим, но, немного погодя, увидев, что всё на этом и закончилось, а Игорь встал и начал

одеваться, она поднялась и стала тоже одеваться. На подоле платья она заметила свежую кровь.

– Вот видишь, – сказала она Игорю, показывая подол, – ты у меня первый.

– Хорошо, что не последний, – пошутил Игорь, продолжая одеваться, – но смотри у меня, чтоб об этом никому не трепалась, а то хуже будет.

Почему так сказал Игорь, Инна не поняла, но ей было всё равно.

Вскоре, из соседних кустов вышли Серёга с Генкой, они были довольные, Генка на ходу закрывал сумку с фотоаппаратом и телеобъективом.

– Как дела? – поинтересовался у них Игорь, загадочно улыбаясь.

– Всё о, кей, – сказал Серёга.

– Это высший пилотаж, – подтвердил Генка, улыбаясь ему в ответ, – надо только теперь проявить плёнку.

– Кстати, это можно сделать у Васьки – очкарика, он же фотографией занимается, – вдруг вспомнил Сергей и, обращаясь к Генке, предложил, – айда к нему сейчас.

– Айда, – подхватил Генка и как бы, между прочим, бросил Игорю с Инной, – ну, мы вас тут покинем, нам сейчас

некогда.

Оставив Игоря с Инной одних, пацаны быстрым шагом заспешили к Ваське – очкарику домой: он жил неподалёку, за два квартала от леса. Через некоторое время, ребята уже звонили в квартиру Василия. На звонок, к их радости и счастью, вышел сам Василий.

– Вась, тут такое дело, – начал сбивчиво объяснять Генка.

– Погоди, – остановил его Сергей, сразу переходя к сути проблемы, – Вась, надо проявить плёнку.

– Что за плёнка? – поинтересовался Василий.

– Да тут Инке, с которой Клим гулял, Игорь целку рвёт, – выпалил Сергей.

– Да ты что? Брось трепаться, не может быть, – опешил Василий.

– А ты прояви плёнку, – ехидно отозвался Генка, – и сам убедись. Всё на ней должно быть видно.

Василий взял пленку и пошёл домой проявлять, а ребята остались дожидаться на улице.

Часа через полтора – два, Василий вышел к ребятам с проявленной плёнкой в руках.

– Всё получилось, – сказал он, – вы что, телеобъективом их снимали?

– А что? – испугавшись, спросил Сергей.

– Уж очень крупно видны многие детали, – успокаивающе ответил Василий.

– Вась, – заискивающе попросил Сергей, – а может, ты сделаешь и несколько фоток с этой плёнки?

– Зачем тебе? – удивился Василий.

– Что б память осталась об этом событии, – попытался соврать Сергей.

– Ладно, – согласился Василий, – показывай какие.

Сергей показал, какие интересовали кадры, и Василий ушёл домой делать фотографии.

Прошло ещё часа два и Василий, вынес ребятам сделанные фотографии и проявленную плёнку.

Ребята очень обрадовались этому и, забрав плёнку и фотографии у Василия, довольные пошли домой, так как уже наступил поздний вечер.

Глава двенадцатая

Около сельского клуба уже набралось много народу и Саня, с большим трудом отыскал в этой толчее Лёху.

Лёха был не один, а в сопровождении двух местных девушек, которые оживлённо разговаривали между собой.

– Привет, Клим, – издали, увидев Саню, закричал Лёха, – давай, протискивайся к нам.

– Привет, – сказал Саня, когда с великим трудом, протиснулся к Лёхе и его спутницам.

– Знакомься, – продолжил Лёха, – это моя Лена, а это её подруга Света.

Света была высокой, симпатичной девушкой с длинными до плеч, русыми, как у его Инны, волосами.

Брови красивой тонкой дугой обрамляли, огромные, как у молодого оленёнка, серовато – синие глаза, придавая им особую красоту и изящество.

Маленький, немного курносый носик, гармонировал с припухлыми, чуть-чуть подкрашенными губами.

На слегка загорелой шее переливалась, всеми цветами радуги, нитка бус из чешского стекла.

Простенькое ситцевое платье свободно облегалo стройную фигуру, подчёркивая красивые, уже сформировавшие-

ся груди, угадываемые между глубоким декольте.

Светлана была такой обворожительной, что если бы Саня не дружил с Инной, то он бы влюбился в Свету.

– Очень приятно познакомиться, – ответил Саня, – правда, Клим, это моё прозвище, а зовут меня Сашей, или Саней.

– Почему ж тогда такое прозвище? – заинтересованно спросила Света.

– Просто моя фамилия Климов, – ответил Саня, – вот ребята везде меня и зовут Клим, для краткости, наверно.

– Но мне, больше нравится имя «Саня», – сказала Света, – можно я буду тебя так называть?

– Можно, – согласился он.

– Сань, – спросила Света, – а ты не внук деда Петра, что живёт недалеко от Лёшки?

– Да, – подтвердил Саня, – это мой дед.

– Сань, а сколько тебе лет?

– Шестнадцать.

– Сань, – продолжила расспрашивать Света, – а ты, в городе, дружишь с девчонкой?

– Есть одна, – с большой неохотой стал отвечать Саня, – но у нас чисто товарищеские отношения.

Не станет же он всё рассказывать о себе первой встречной, но здесь ему случайно на выручку пришёл Лёха.

– Ребята, – сказал он, – мы для чего сюда пришли: болтать, или танцевать? Айда на танцы, вон уже дискотека в полном разгаре.

Саня со Светой прекратили беседу, и вслед за Лёхой с Лёной стали пробиваться вглубь танцующих парней и девочек.

Диск – жокей активно рекламировал какую – то новую англоязычную группу и ставил на магнитофон новую песню, занявшую в каком – то хит – параде второе место.

Из динамиков, обрушился неимоверный грохот быстрой, ритмичной музыки, способной оглушить и раздавить слушателя.

Из различных фонарей разобранного для чего – то кем – то светофора, милицейских мигалок, и других приспособлений, в зал ударили разноцветные снопы света, меняющие скорость своей пульсации и быстроту вращения, в зависимости от тональности воспроизводимых звуков, имитирующие цветомузыку.

Вся масса присутствующих начала быстро, но не всегда ритмично, дёргаться, стараясь попасть в такт звучащей музыке, хотя и не всем это удавалось.

Со стороны это напоминало, какие – то ритуальные пляски дикарей из племени «Тумба – Юмба», прибывших на священную оргию.

Саня, Света, Лёха и Лена дружно влились в этот водоворот человеческих тел, выплёскивающих свои эмоции и буйство молодой энергии наружу, через танец. Каждый из присутствующих показывал то, что умел, и чем причудливее это было, тем сильнее поощрялось различными возгласами окружающих.

Это продолжалось довольно длительное время, как вдруг к Лёхе подошёл местный парень и что – то начал ему кричать, показывая на выход.

Лёха понимающе кивнул и отправился к выходу, с трудом протискиваясь между танцующими.

Увидав это, Саня последовал следом за Лёхой и парнем.

Выйдя из зала, где музыка была уже не так слышна, Лёха сказал подошедшему Сане:

– Пацаны из соседнего села приехали на мотоциклах, громить нашу дискотеку.

– Надо помочь их прогнать? – спросил Саня.

– Нет, ты наш гость, ты отдыхай, мы сами попробуем справиться, – ответил Лёха.

Лёха повернулся и пошёл за кустарник, где слышны были отголоски уже идущего боя между местными и приезжими пацанами.

Саня не стал слушать Лёху и пошел за ним. Он подоспел вовремя: какие – то два чужих пацана уже навалились на Лёху и принялись бить, чем попало.

Саня напал на одного из них, дав Лёхе возможность справиться со вторым.

Но вот и на него навалился, какой – то здоровяк и стал тузить кулаками, награждая обильным количеством тумачков, но Сане удалось отскочить от здоровяка, сделать ему подножку и самому насесть на него. Но вдруг, чей – то истошный голос закричал:

– Атас, Менты.

Послышался милицейский свисток, и все бросились в рассыпную, но в этот миг, кто – то, чем – то тяжелым ударил Саню по голове, в голове всё закружилось и помутилось, и он упал, потеряв сознание.

Саня не помнил, сколько он пролежал без сознания.

Очнулся, от холодной воды: льющейся на лоб, на лицо, за шиворот.

Саня открыл глаза и увидел, что голова лежит на чьих – то девичьих коленях. Он попытался поднять голову, но страшная боль пронзила всю голову, он тихо застонал.

– Лежи тихо, – услышал он голос Светланы, – тебе нельзя

двигаться.

– А что со мной? – слабым голосом спросил Саня.

– Ничего страшного, – ответила Света, – просто тебя очень сильно ударили штакетиной по голове и разодрали кожу. Когда я тебя нашла, у тебя вся голова была залита кровью, но вот я немного голову обмыла водой, а рана не глубокая.

– Спасибо тебе, – сказал Санька, – а где Лёха?

– Ему тоже хорошо досталось, – ответила Света, – но он пострадал меньше, чем ты, и его Лена уже повела домой.

– А – а – а, – неопределённо проговорил Саня.

– Сейчас я закончу обмывать рану, – продолжила говорить Света, – и мы тоже пойдем домой.

Действительно, через некоторое время, Светлана помогла ему подняться с земли и, поддерживая, повела домой. Дома у Санькиного деда, Света обработала рану раствором перекиси водорода и совсем остановила кровь, а так как рана была не очень глубокая, ещё и смазала всё раствором йода.

– Откуда ты всё это знаешь? – удивлялся Саня.

– У меня мама медик, – отвечала Света, – вот у неё и научилась. Да и тебе пригодилась: оказала первую доврачебную помощь.

– А сейчас, – категоричным тоном, не терпящем возражений,скомандовала Светлана, – иди, раздевайся и ложись

в кровать, ибо в твоём положении, сон – лучшее лекарство.

Санька хотел возразить, ему не понравился приказной тон Светланы; но не было на это сил, да ещё сильно болела голова, и он решил не ругаться, а подчиниться, но это сделал, с большой неохотой

Он решил, как-нибудь отомстить за такой тон, но сейчас голова гудела, как пчелиный встревоженный улей, и он отпавился спать.

Только голова, прикоснулась к подушке, как мгновенно заснул крепким сном.

Утром, Саню разбудил разговор, доносившийся с улицы:

– Дедушка Петя, – раздавался громкий, звонкий голос Светланы, – а Санька, дома?

– Небось, дома, – отвечал старческий голос Санькиного деда, – но дрыхнет шельмец, ещё после вчерашнего.

– А можно я посижу с вами, подожду его, – не уgomанивалась Светлана.

– Коль охота, то посиди, – продолжал беседу дед, – чаво прилетела егоза, аль дома нечего делать?

– Дома дел много, – стала поддерживать разговор Светлана, – но надо же узнать, как Санькино самочувствие, ведь его вчера хорошо потрепали чужие пацаны.

– Он парень жилистый, – довольный внуком, говорил дед

Пётр, – у него кость крепкая, его голыми руками не возьмёшь, да и так, не перешибёшь.

Саньке надоело слышать всю эту болтовню, он быстро оделся, умылся и вышел на крыльцо.

– Привет, Сань, – послышался радостный голос Светланы.

– Привет, – ответил Санька, ещё не совсем отойдя ото сна.

– Пришла узнать, – затараторила Светлана, как бы боясь, что прервут, и не всё успеет сказать, – как твоё самочувствие, как голова, не нужно ли чем помочь?

– Свет! Погоди, погоди, – стал останавливать Саня, – не так быстро, а то от тебя уже голова начинает болеть.

– Что, – всполошилась Светлана, – ты себя плохо чувствуешь?

– Нормально я себя чувствую, – отвечал с неохотой Саня, – просто ты уж очень рьяно насела, да и тараторишь без умолку, отдохни немного.

– Я за тебя вчера очень сильно перепугалась, – откровенно – доверчиво сказала Светлана и густо покраснела.

Она прекрасно знала, что нельзя за парнем так откровенно бегать, ведь многим парням это очень не нравится, и они начинают думать всякие глупости и гадости, и представлять себе неизвестно что; то, чего и в помине, нет и не может быть.

Но Светлана действительно вчера очень испугалась за Саню.

Когда нашла окровавленного, безжизненно лежащего под кустом; вначале, подумала, что убили, но, бросившись к нему, нащупала бьющийся пульс и поняла, что только потерял сознание.

Тогда начала обмывать голову платком, смачивая минеральной водой из пластмассовой бутылки, случайно прихваченной с собой.

Когда Ленка рассказала о Лешкином друге, Светлане совсем не понравилась перспектива сопровождать его на дискотеке, и хотя постоянного парня не было, но исполнять роль курицы – наседки, водящей выводок за собой, ей совсем не хотелось.

Но когда она увидела Саньку и, особенно, когда стала с ним разговаривать, то он показался клёвым парнем, не таким, как их местные пацаны, а значительно лучше.

Когда же он бросился на помощь Лёшке и ринулся в драку, защищая друга, то Светлана совсем его зауважала, и он стал нравиться всё больше и больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.